

**УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ**

БЕЛАРУСЬ 2020–2021 ГГ.

**УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ
БЕЛАРУСЬ 2020–2021 ГГ.**

**ПЦ "ВЕСНА"
SPRING96.ORG
МИНСК, 2021**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Контекст.....	5
Условия наблюдения.....	8
Раздел 1. Нарушение конституционных и общепризнанных прав задержанных и обвиняемых	
Задержание. пытки задержанных.....	11
Меры пресечения. Содержание под стражей до суда.....	16
Право на разбирательство дела об освобождении из-под стражи.....	22
Право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом.....	27
Презумпция невиновности.....	33
Право подготовиться к суду.....	36
Право на защиту.....	37
Несовершеннолетние.....	39
Право на обжалование (пересмотр) приговора.....	42
Раздел 2. Уголовное преследование – инструмент нарушения прав человека и основных свобод	
Понятие «политзаключенный».....	44
Произвольное уголовное преследование правозащитников и журналистов....	46
Уголовное преследование за осуществление политических прав.....	55
Уголовное преследование участников мирных собраний.....	62
Уголовное преследование за реализацию свободы выражения мнений.....	73
Произвольное взыскание компенсаций.....	81
Чрезмерно жестокие по виду и размеру наказания.....	85
Заключение и рекомендации.....	87

ВВЕДЕНИЕ

Правозащитный центр «Весна» с помощью волонтеров проводил мониторинги судебных процессов по политически мотивированным уголовным делам, собирал информацию о данной категории дел в целях их анализа с точки зрения соблюдения международных стандартов прав человека и информирования белорусской общественности и международное сообщество о состоянии прав человека в стране. Объектом мониторинга стали более 150 судебных заседаний по уголовным делам. Настоящий доклад стал очередным в серии докладов¹, призванных повысить информированность общественности, национальных и международных институтов, государственных органов о нарушениях прав человека в 2020-2021 годах в Беларуси во время выборов президента и поствыборный период.

В отчете использованы следующие сокращения:

Пакт - Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года);

КПЧ - Комитет по правам человека ООН;

ОВД - органы внутренних дел;

ГУБОПиК - Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией;

УК - Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 года;

УПК - Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 года;

Руководство - Руководство по определению понятия «политический заключенный».

¹ [Беларусь, август 2020: «правосудие» для протестующих; Административный арест в Беларуси-2020 – инструмент нарушения прав человека; Политически мотивированные административные процессы: стандарты и реальность в современной Беларуси](#)

КОНТЕКСТ

Выборы президента Республики Беларусь являлись основным фактором, определившим дальнейшее развитие внутривластной ситуации в стране в 2020-2021 гг. и приведшим к острому кризису прав человека в стране.

Проведение таких масштабных общенациональных электоральных компаний, как выборы президента, традиционно приводило к усилению репрессий в отношении политических оппонентов действующего политического режима и представителей гражданского общества. Исключение составляли лишь президентские выборы 2015 г.

Применение жестких репрессий, в том числе в отношении непосредственных участников избирательной кампании, в 2020 г. началось сразу же после начала выборов в мае, а не в поствыборный период, как это было ранее, в 2006 и 2010 гг.

Применение репрессий в ходе избирательной кампании было обусловлено ее характером, связанным с появлением новых активных участников, ранее неизвестных и не участвовавших в политических процессах в стране личностей — **Светланы Тихановской**, бывшего главы «Белгазпромбанка» **Виктора Бабарико**, бывшего государственного чиновника **Валерия Цепкало**. Значительная и ранее небывалая активизация граждан, выстраивающихся в огромные очереди у пикетов по сбору подписей по выдвижению альтернативных кандидатов, и последующие многотысячные встречи избирателей с кандидатом на пост президента Светланой Тихановской и членами объединенного штаба **Марией Колесниковой** и **Вероникой Цепкало**, наглядно продемонстрировали запрос на политические перемены у большинства представителей белорусского общества.

Ответной реакцией власти на эту неожиданную политическую активность и стали репрессии.

До начала дня голосования 9 августа в стране уже насчитывалось 24 политических заключенных, признанных таковыми белорусским правозащитным сообществом: блогеров, членов инициативных групп по выдвижению кандидатов в президенты, оппозиционных деятелей. С середины лета удерживались под стражей Сергей Тихановский и Виктор Бабарико, а также ряд знаковых политиков (**Николай Статкевич**, **Павел Северинец**) и популярных блогеров (**Сергей Петрухин**, **Александр Кабанов**).

Сама же избирательная кампания проходила в традиционном для Беларуси ключе, и результаты завершения первых ее этапов показали стремление власти сохранить полный контроль над избирательным процессом.

Голосование, и особенно подсчет голосов избирателей, продемонстрировали, что результаты выборов были сфальсифицированы, а озвученные главой ЦИК цифры не имеют ничего общего с реальным волеизъявлением избирателей. К таким выводам по результатам проведения независимого наблюдения за выборами пришли и представители компании «Правозащитники за свободные выборы».

Именно несогласие с официальными результатами выборов и послужило причиной для начала массовых протестов граждан в поствыборный период, что, в свою очередь, привело к еще большему усилению репрессий.

9 августа после закрытия избирательных участков во многих городах страны граждане вышли на улицу протестовать против фальсификации выборов с требованием честного подсчета голосов.

Массовые протесты продолжались и в последующие дни, вплоть до окончания 2020 г. Несмотря на в целом мирный характер протестов, против демонстрантов, а также случайных людей, оказавшихся в местах соприкосновения с силовыми подразделениями, 9, 10, 11 и 12 августа 2020 г. была применена непропорциональная физическая сила, спецсредства и, впервые в истории Беларуси, оружие: светошумовые гранаты, травматическое оружие, специальная автомобильная техника, а в отдельных случаях — боевое оружие. Это привело к большому количеству жертв: ранений, увечий и даже гибели людей (А. Тарайковский, Г. Шутов, А. Вихор).

Уже 11 августа появились свидетельства того, что в отношении мирных демонстрантов и случайных прохожих были предприняты беспрецедентные по размаху и проявленной жестокости карательные мероприятия: сотрудники милиции и спецподразделений избивали задержанных в спецтранспорте, в помещениях и на территории отделов милиции, в других помещениях, принадлежащих МВД, которые использовались для накопления и содержания задержанных, а также в местах содержания задержанных и арестованных — изоляторах, тюрьмах и следственных изоляторах. Эта информация привела к еще большему усилению протестных акций в стране. Граждане массово выступали против насилия.

Тем не менее руководство МВД и государства не осудили факты применения пыток сотрудниками силовых ведомств. На сегодняшний день органами прокуратуры и Следственным комитетом не было возбуждено ни одного уголовного дела по фактам гибели протестующих и применения к ним пыток и жестокого обращения. В то же время известно о не менее чем 4 644 заявлениях (сообщениях) «о применении в ходе пресечения несанкционированных протестных акций к лицам сотрудниками органов внутренних дел физической силы и спецсредств»², производство по которым затягивается. ПЦ «Весна» задокументировано более 1 000 фактов применения пыток. Применение пыток и жестокого обращения в отношении задержанных продолжают и на данный момент, а безнаказанность приводит к новым трагедиями и гибели людей, таким как убийство участника протестов Романа Бондаренко.

Уголовное преследование граждан стало одним из основных видов репрессий, применяемых властями Беларуси. По [данным](#) председателя СК, на 4 марта 2021 г. с момента постэлекторальных событий в стране было возбуждено 2 407 уголовных дел «экстремистской направленности».

Кроме того, возбуждены многочисленные уголовные дела по фактам оскорблений президента и иных должностных лиц, порчи имущества и хулиганства (нанесения протестных граффити), сопротивления или насилия в отношении сотрудников милиции, по экономическим составам преступлений.

Кризис с правами человека привел к резкому увеличению [количества](#) политзаключенных, возросшего до более 350 человек, и это не окончательное их число.

² Annex to the note verbale dated 10 February 2021 from the Permanent Mission of Belarus to the United Nations Office at Geneva addressed to the secretariat of the Human Rights Council. Позиция Республики Беларусь в связи с докладом Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека о положении в области прав человека в Беларуси

Всего правозащитникам [известны данные](#) более 1 000 человек, в отношении которых возбуждены уголовные дела в период выборов и в поствыборный период.

Впервые в новейшей истории страны по факту деятельности Координационного совета, созданного представителями оппозиции с целью участия в переговорах с властью по разрешению внутривнутриполитического кризиса в стране, было возбуждено уголовное дело по ст. 357 УК «Заговор и иные действия, совершенные с целью захвата государственной власти».

Репрессии в отношении граждан в 2020-2021 г. приобрели массовый характер. Власти Беларуси допускают массовые и системные нарушения прав человека, а правовая система страны не в силах обеспечить надлежащую правовую защиту нарушенных прав и полностью переориентирована на репрессии.

УСЛОВИЯ НАБЛЮДЕНИЯ

Замечание общего порядка № 32

Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство

28. Все судебные разбирательства по уголовным делам ... в принципе должны проводиться устно и быть открытыми для публики. Публичность слушаний обеспечивает транспарентность судопроизводства и тем самым служит важной гарантией интересов отдельных лиц и общества в целом. Суды обязаны предоставлять информацию относительно времени и места проведения устных слушаний для сведения общественности и обеспечивать надлежащие возможности для присутствия заинтересованных представителей публики в разумных пределах с учетом, в частности, потенциальной заинтересованности в исходе дела и продолжительности устных слушаний.

В целях осуществления общественного наблюдения ПЦ «Весна» открыто и гласно пригласил волонтеров, в том числе – юристов, которые после ознакомления с основными принципами наблюдения – невмешательство, беспристрастность, профессионализм, конфиденциальность, и гарантиями для всех лиц при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения (ст. 14 и другие Пакта) приступили к наблюдению в 59 судах в 46 городах Беларуси.

В силу особенностей социально-политической обстановки, из мониторинга исключены контакты и интервью с представителями СК, представителями государственного обвинения и судьями, а также ограничены опросы адвокатов. По ряду дел изучены процессуальные документы и приговоры.

В период наблюдения в-основном не наблюдалось проблем с подачей судами сторонам и публике информации о времени и месте рассмотрения уголовных дел. Соответствующая информация как правило сообщалась участникам процесса, вывешивалась на стендах в судах, сообщалась в ходе рассмотрения дел сторонам и присутствующим.

Замечание общего порядка № 32

Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство

29. В пункте 1 статьи 14 подтверждается, что суды имеют право не допускать всю публику или часть ее по соображениям морали, общественного порядка (ordre public) или государственной безопасности в демократическом обществе или когда того требуют интересы частной жизни сторон, или - в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо, - при особых обстоятельствах, когда публичность нарушала бы интересы правосудия. В случае отсутствия таких исключительных обстоятельств разбирательство должно быть открытым для широкой публики, включая представителей средств массовой информации, и не должно, например, ограничиваться определенной категорией лиц. Даже в тех случаях, когда публика лишена доступа на судебное разбирательство, судебное постановление, включая основные выводы, доказательства и правовую аргументацию, должно быть предано гласности за исключением ситуаций, когда интересы несовершеннолетних требуют иного или когда дело касается матримониальных споров или опеки над детьми.

В ходе наблюдения отмечены случаи рассмотрения уголовных дел в отношении участников протестных акций и других политически мотивированных дел в закрытом судебном заседании в отсутствие предусмотренных пактом оснований. Кроме того, по результатам рассмотрения дел в закрытом заседании приговор оглашался без основных выводов, ссылок на доказательства и без правовой аргументации – лишь в резолютивной части, где констатируется виновность или невиновность, вид и срок назначенного наказания, решение о взыскании средств, конфискации предметов, распоряжения о судьбе вещественных доказательств и другого арестованного имущества, некоторые другие подобные сведения, из которых невозможно сделать вывод об установленных судом фактах и обстоятельствах, других важных составляющих приговора.

Так, в закрытом судебном заседании рассмотрены уголовные дела по обвинению **Витольда Ашурка** (г. Лида) по ст. 342 и 364 УК, **Евгения Винчи** (г. Лида) по ст. 364 УК, **Алексея Мельникова** (г. Могилев) по ст.13, ч. 2 ст. 293, ч. 3 ст. 295, ч. 1 ст. 295-3 УК, что недопустимо ограничивает конституционные и международно признанные права обвиняемых и является нарушением принципов справедливого суда и прав, гарантированных Пактом. Указанные факты в совокупности с отсутствием достоверных данных о совершении этими людьми насильственных действий дают основания для признания их политическими заключенными. В отношении В. Ашурка и Е. Винчи решение о

проведении дела в закрытом заседании принял судья Филатов М.Ю.: в деле В. Ашурка, как пояснил наблюдатель, – по мотивам наличия угрозы национальной безопасности. Пересмотр принятых в отношении указанных осужденных должен быть произведен с обеспечением права на справедливое судебное разбирательство и устранения факторов, повлиявших на вынесение политически мотивированного приговора.

По некоторым делам наблюдалось использование мер по борьбе с распространением коронавируса в качестве предлога для ограничения доступа людей в зал заседания.

Во многих случаях порядок и рассадку слушателей в зале судебного заседания определяли сотрудники конвоя, либо сотрудники ОВД, либо неизвестные лица.

В суде Советского района г. Минска в первый день судебного заседания по делу Дмитрия Дубкова пресс-секретарь Виктория Можейко требовала от слушателей, не являющихся родственниками обвиняемому, покинуть зал судебного заседания и представить место для представителей аккредитованных на заседание СМИ. Данные действия, по оценке юристов ПЦ «Весна», нарушают принцип открытости и гласности судебного разбирательства (ч. 1 ст. 114 Конституции и ч. 1 ст. 11 Кодекса о судоустройстве и статусе судей). Кроме того, сотрудники конвоя ограничивали передвижение не только слушателей, но и иных присутствующих граждан в здании суда, заставляя покинуть коридор и пройти в тесное пространство на время перемещения обвиняемых по коридору суда. Подобный подход демонстрирует двойные стандарты властей в контексте борьбы с распространением коронавирусной инфекции: для рассмотрения резонансного дела выбран небольшой зал, количество мест для слушателей в зале было ограничено, при этом помещение, в котором рассматривалось уголовное дело, в большинстве случаев не проветривалось.

По тому же делу судья Елена Жукович объявляла перерыв на непродолжительное время, при этом к назначенному времени возобновления слушаний по делу не приходила, чем фактически нарушила установленный порядок заседания. Например, 26 января, судья объявила перерыв на пять минут, однако к назначенному времени не явилась. Спустя час сотрудники конвоя потребовали от присутствовавших граждан освободить зал судебного заседания, а судья и секретарь отказались предоставить наблюдателю информацию о времени возобновления судебного разбирательства.

В суде Октябрьского района г. Могилева слушалось уголовное дело по обвинению известных блогеров А. Кабанова и С. Петрухина. Открытое заседание оказалось по факту закрытым: прямо на лестнице встали двое милиционеров, которые объявили людям, что в зал суда их не пустят, что зал уже заполнен. Как оказалось, маленький зал суда заполнили студентами.

В то же время, наблюдатели были свидетелями и позитивной практики: в суде Молодечненского района в первый день рассмотрения уголовного дела по обвинению Пескова и Евстигнеева в зале собралось большее количество слушателей, чем могли вместить три скамьи. Судья Виктория Полещук объявила перерыв на 20 минут для решения вопроса о том, чтобы все присутствующие смогли поместиться в зале. Не было препятствий для понимания сути происходящих действий суда и участников процесса, слышимость была удовлетворительной, судебные заседания начинались в срок, время возобновления заседания называлось четко и громко. Порядок в судебном заседании определяла судья. Судом не оказывалось препятствий для аудио-записи процесса, было запрещено вести видеотрансляцию и делать фото. Приговор оглашен публично.

РАЗДЕЛ 1. НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ И ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРАВ ЗАДЕРЖАННЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ

ЗАДЕРЖАНИЕ. ПЫТКИ ЗАДЕРЖАННЫХ

Международный пакт о гражданских и политических правах

Статья 9

2. Каждому арестованному сообщаются при аресте причины его ареста и в срочном порядке сообщается любое предъявленное ему обвинение.

Замечание общего порядка № 35

Статья 9: Свобода и личная неприкосновенность

25. Важная цель требования о необходимости информировать арестованного о причинах ареста состоит в том, чтобы дать ему возможность добиваться освобождения, если он считает, что по сообщенные ему причины являются неправомерными или необоснованным. Такие причины должны включать в себя не только общие правовые основания ареста, но и достаточные фактические основания, указывающие на существо дела, включая противоправное деяние и личность предполагаемой жертвы. Под "причинами" понимаются официальные основания ареста, а не на субъективные мотивы, которыми руководствуется должностное лицо, производящее арест.

В соответствии с УПК (ст. 40), подозреваемый имеет право знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении против него уголовного дела или о признании его подозреваемым; немедленно по задержании или объявлении постановления о применении меры пресечения получить от органа уголовного преследования копию постановления или протокола о задержании, копию постановления о применении меры пресечения, а также копию постановления о возбуждении уголовного дела. Исключение – случаи, когда в деле содержатся государственные секреты: тогда копии документов не выдаются на руки подозреваемым. Как правило, указанные формальности выполнялись.

Пытки, запрещенное обращение

Международными организациями регулярно предпринимались попытки убедить белорусские власти в целесообразности принятия эффективных мер по предупреждению пыток, расследованию всех случаев их применения и наказания виновных: «Отмечая добавленное к статье 128 Уголовного кодекса в 2015 году примечание, содержащее конкретное определение «пытки», Комитет [по правам человека] озабочен сохранением недостатков как в самом определении, так и в возможности его применения, поскольку под него подпадают не все деяния, которые представляют собой пытки, и поскольку наказания за пытки несоизмеримы тяжести преступления. Кроме того, Комитет обеспокоен непрекращающимися сообщениями о том, что:

- а) сотрудники правоохранительных органов прибегают к пыткам и жестокому обращению в целях получения признательных показаний от подозреваемых и что такие показания используются в качестве доказательства в суде;
- б) случаи применения пыток и жестокого обращения зачастую остаются не расследованными, а Следственный комитет не обладает необходимой независимостью для проведения действенного расследования по таким заявлениям;
- в) медицинские подразделения, которые должны документировать полученные заключенными телесные повреждения, структурно являются частью пенитенциарной системы. Комитет обеспокоен заявлением государства-участника о том, что до 2016 года обвинительных приговоров по статьям 128 и 394 Уголовного кодекса не выносилось, и жалеет, что по этому вопросу не была представлена обновленная информация»³.

Актуальная позиция властей Беларуси в этом вопросе следующая:

«В целях предупреждения пыток и жестокого обращения Верховным Судом Республики Беларусь осуществляется сбор статистических данных, анализ и мониторинг судебной практики» (стоит заметить, эти данные Верховным Судом не публиковались). «Изучение статистической информации по жалобам и заявлениям обвиняемых о применении к ним незаконных методов ведения предварительного расследования в 2018 году показало, что такие жалобы единичны. ... Проверка доводов поступивших жалоб не требовала прерывания судебного разбирательства по уголовному делу и осуществлялась компетентными органами параллельно с судебным разбирательством. ... По итогам проведенных проверок можно сделать вывод, что в целом органами уголовного преследования применялись законные способы воздействия на обвиняемых и допускались тактические приемы ведения предварительного расследования, разработанные юридической психологией и криминалистической методикой»⁴.

³ Комитет по правам человека Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Беларуси

⁴ Совет по правам человека Рабочая группа по универсальному периодическому обзору Тридцать шестая сессия 4–15 мая 2020 года Национальный доклад, представленный в соответствии с пунктом 5 приложения к резолюции 16/21 Совета по правам человека* Беларусь

Полученные в ходе мониторинга судебных заседаний и изучения процессуальных документов данные говорят о другом.

Обвиняемый **Дмитрий Дубков** в судебном заседании в суде Советского района г. Минска заявил, что непосредственно после задержания подвергся давлению со стороны сотрудников Комитета госбезопасности, которые принудили обвиняемого подписать явку с повинной в присутствии дежурного адвоката. В ходе прений защитник заявила о необходимости оценки соответствующих доказательств, полученных в результате давления, как недопустимых. Ни судья, ни государственный обвинитель не придали значения рассказу обвиняемого об обстоятельствах, при которых он был вынужден подписать явку с повинной.

Явным доказательством применения пыток при задержании [стал видеосюжет](#), размещенный на официальном сайте Национальной государственной телерадиокомпании, который подтверждает заявление **Николая Дедка**, задержанного сотрудниками ГУБОПик, о применении к нему пыток для получения данных для доступа к электронным устройствам и сетям, а также первоначальных показаний в качестве подозреваемого.

В суде Заводского района в ходе рассмотрение уголовного дела в отношении **Юрия Сергея и Кирилла Казея** обвиняемый Казей заявил:

«Меня ударили два раза по лицу, повалили на землю, одели стяжки на руки и затем избивали дубинкой в несколько заходов. В какой-то момент один из сотрудников принес откуда-то пистолет, и снова начали избивать. Когда били, один из сотрудников комментировал: «Бей по почкам, чтоб они стали кровью с[мочиться]ть». Затем максимально сильно затянули стяжки на руках со словами: «Вот так еще полежите, вообще без рук останетесь». Я уверен, что это все было заснято на нагрудные видеорегистраторы, однако в материалы дела это не попало. По дороге в РУВД сотрудники угрожали, что будут стрелять по ногам из того якобы найденного пистолета. Уже в Заводском РУВД я заявил сотруднику, что не буду подписывать никаких бумаг, где фигурирует этот пистолет, на что сотрудник ответил, что этого и не нужно делать».

На следующий после задержания день Казея повезли в суд по административному делу; на суде он потребовал адвоката, тогда его увезли обратно в РУВД, где ему угрожали и заставляли признаться в совершении преступления или участия в экстремистских группировках.

«Мне угрожали тем, что якобы меня «мягко приняли», что отвезут в лес и заставят могилу себе копать. Один из сотрудников говорил, что прошел Афган и знает, как причинить боль. Говорили, что будет обыск у меня дома, в авто, на фирме, где я работал, и что во время обыска могут найти все что угодно. Пугали тем, что могут надолго посадить меня. А если дам те показания, что им надо, то отделаюсь штрафом или сутками. Но я ведь не преступник, дать мне им абсолютно нечего. Напоследок мне сказали, что я об этом пожалею».

Судом не предпринималось мер по организации расследования данных утверждений. Более того, в приговоре суда никак не отражены и не оценены показания обвиняемого о применении пыток. При этом обвиняемые, задержанные 28.10.2020 года по подозрению в совершении преступления, были помещены в ИВС только 6.11.2020 г., а предъявление заведомо незаконного обвинения по ч. 3 ст. 339 УК, от которого в последствии частично отказался прокурор в пользу ч. 2 ст. 339 УК, дало возможность органу предварительного расследования продлить задержание подозреваемого свыше предусмотренных общим правилом 72-х часов до 7 суток, а фактически – до 16 суток.

Суд Первомайского района г. Минска (председательствующий – судья М. Трусевич) приговорил 3 февраля 30-летнего **Никиту Харловича** к 5 годам лишения свободы. До этого в судебном заседании обвиняемый рассказал об избиении его сотрудниками ГУБОПиКа:

«После беседы с оперативниками, они, видимо, разозлились чем-то, начали ругаться и говорить, что я совсем оборзел, что я «самый умный». Я смотрел в пол. Меня ударили в голову. У меня потемнело в глазах, меня продолжали избивать. Когда это все прекратилось, то сказали, что утри ему [Харловичу] слюни. Мне сказали, что, если не хочу повторения [избиений], то я должен сказать, что я хотел кинуть бутылки на дорогу, чтобы задержать какой-то транспорт, чтобы они не попали на работу и начали забастовку. Я был испуган и подавлен. Я сказал, что они просили. Я чуть не плакал, когда это говорил. Это все снимали на мобильный телефон. В конце я все равно сказал, что на самом деле было, но они убрали уже камеру. Но, видимо, это им не надо было. Они добавили, что это отличный ролик для пресс-службы».

Харлович рассказал также, что он просил на допрос в ГУБОПиКе предоставить ему адвоката, но получал отказы: ему говорили, что адвокат ему сейчас не понадобится, пригодится только на допросе со следователем. Суд при этом обосновал виновность Харловича в том числе и протоколом оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос» и протоколом его аудиозаписи.

В суде Ленинского района г. Минска во время первого заседания по делу обвиняемый **Виктор Борушко** заявил об избиениях и издевательствах после задержания со стороны сотрудников ОВД. Борушко, по его словам, 18 октября привели в автомобиль ОВД, где уже находились шестеро задержанных, изъяли часы и мобильный телефон. Начавший движение спецтранспорт вскоре остановился. Выяснилось, что милиционеры ищут человека в синей куртке и приняли мужчину за разыскиваемого. Силовики пометили с помощью баллончика с краской лоб, руки и одежду Борушко и привезли его в Ленинское РУВД.

«Отвели на допрос, сказали, что у них есть видео моих ударов в отношении милиционера. Я попросил адвоката. Спросили на камеру имя и фамилию, есть ли вопросы и претензии к сотрудникам милиции. Ответил, что нет».

Далее обвиняемый пояснил, что ему надели на голову мешок. В это время судья М. Запасник прервала его, заявив, что его претензии к сотрудникам ОМОНа на данном процессе не рассматриваются. Однако мужчина все же закончил, [описав то](#), что в дальнейшем с ним происходило в похожем на душевую помещении:

«Били, дубинку в ж... засовывали. После этого я провел двенадцать дней в реанимации БСМП. Ноги были такие опухшие, что не мог снять джинсы. Когда меня били, я берег левую ногу. Мне меняли связки на левой ноге, я не мог ею ударить».

Виктор Борушко также сообщил, что не стал подавать жалобу на действия силовиков, потому что не видит в этом смысла, так как ни одного подобного уголовного дела с августа [2020 года] так и не возбудили. Несмотря на шокирующий характер заявлений, судья не организовала их расследование и вынесла обвинительный приговор.

Из оглашенного в судебном заседании суда Московского района г. Минска по обвинению **Дмитрия Кулаковского** протокола допроса обвиняемого следовало, что его неоднократно длительно избивали с целью получить интересующие показания в помещениях ОВД, содержали в течение около четырех недель в нечеловеческих условиях по надуманному обвинению в изоляторе ГУВД.

«На мой вопрос, почему меня задержали, а также на требование предоставить адвоката, они вышли, а сотрудники в балаклавах нанесли несколько ударов. Они завели мои ноги под кисти рук – от чего мышцы бедер сводило от судорог. Сотрудники также говорили, что адвоката не предоставят, и чтобы я со всем соглашался. Сколько это длилось, я точно не помню – из-за сильной боли. Я кричал от боли».

В суде Советского района г. Минска обвиняемый **Дмитрий Галко** сообщил, что его задержали 21 октября, после чего два дня он находился в больнице. При задержании его сильно избили и доставили в БСМП в отделение сочетанных травм: у него была ЧМТ средней степени тяжести и около 50 ударов в одно место в области правого бедра. В материалах дела подтверждается ЧМТ легкой степени тяжести, сотрясение головного мозга, межмышечная гематома правого бедра. Согласно книге учета применения физической силы, при задержании использовались силы специального подразделения МВД. Судья Сергей Шатило и государственный обвинитель не отреагировали должным образом на заявление.

Эти и другие примеры ярко демонстрируют безразличие судов и судей к нарушениям прав человека, уголовно-процессуального кодекса и иных нормативных актов. Терпимость судей к выявленным актам пыток и демонстративное игнорирование процессуальных нарушений порождает атмосферу безнаказанности и пренебрежения правилами ведения уголовного процесса.

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ. СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ ДО СУДА

Международный пакт о гражданских и политических правах

Статья 9

1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом.

3. Каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от представления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора.

4. Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно.

Замечание общего порядка № 35

Статья 9: Свобода и личная неприкосновенность

11. Второе предложение пункта 1 запрещает произвольный арест и содержание под стражей, в то время как третье предложение запрещает незаконное лишение свободы, т.е. лишение свободы, которое не предусмотрено этими основаниями и не соответствует прописанной в законе процедуре.

Эти два запрета частично накладываются друг на друга в том смысле, что аресты и содержание под стражей могут иметь место в нарушение применимого права, но при этом не быть произвольными, или могут допускаться законом, но при этом быть произвольными, или же могут быть одновременно и произвольными, и незаконными. Произвольными также являются арест или содержание под стражей, которые не имеют под собой законного основания...

12. Арест или содержание под стражей могут соответствовать внутреннему законодательству, но тем не менее быть произвольными. Понятие «произвольности» не следует приравнивать к понятию «противозаконности», а следует толковаться более широко, включая в него элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности. Например, содержание под стражей в виде меры пресечения должно быть разумным и необходимым в любых обстоятельствах. Исключая заключение на оговоренный срок по приговору суда, решение о содержании человека под стражей в любой форме является произвольным, если оно не подлежит периодическому пересмотру на предмет обоснованности дальнейшего содержания под стражей.

17. Произвольными являются арест или содержание под стражей в наказание за законное осуществление прав, гарантированных в соответствии с Пактом, включая право на свободу мнений и их свободное выражение (статья 19), свободу собраний (статья 21), свободу ассоциации (статья 22), свободу религии (статья 18), а также право на неприкосновенность частной жизни (статья 17). Арест или содержание под стражей по дискриминационным основаниям в нарушение пункта 1 статьи 2, статьи 3 или статьи 26 также в принципе являются произвольными. ... Тюремное заключение после явно несправедливого судебного разбирательства является произвольным содержанием под стражей.

38. Второе предложение пункта 3 статьи 9 требует, что содержание под стражей лиц, ожидающих суда, должно быть исключением, а не правилом. В нем также сказано, что освобождение от такого содержания под стражей может ставиться в зависимость от представления

гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и (в случае необходимости) явки для исполнения приговора. Это предложение касается лиц, ожидающих судебного разбирательства по уголовному обвинению, то есть после предъявления обвинения, но аналогичное требование, охватывающее период до предъявления обвинения, вытекает из запрета произвольного ареста. Применение досудебного содержания под стражей к подозреваемым и обвиняемым не должно быть общей практикой. Заключение под стражу должно быть основано на принимаемом в каждом конкретном случае решении о том, что оно обосновано и необходимо с учетом всех обстоятельств для таких целей, как предупреждение побега, вмешательства в процесс собирания доказательств или рецидива преступления. Соответствующие факторы должны быть прописаны в законе и не должны содержать расплывчатых и широких стандартов, таких как «общественная опасность». Содержание под стражей до суда не должно быть обязательным для всех обвиняемых в конкретном преступлении без учета индивидуальных обстоятельств. Кроме того, досудебное содержание под стражей должно применяться не на основе возможного приговора за вменяемое преступное деяние, а на основе определения необходимости в этой мере пресечения. Суды должны рассматривать вопрос о том, позволят ли альтернативы досудебному содержанию под стражей, такие как залог, электронные браслеты или другие условия, устранить необходимость в содержании под стражей в данном конкретном случае. Если обвинение предъявлено иностранцу, то этот факт не должен рассматриваться как достаточное основание считать, что обвиняемый может скрыться от правосудия. После принятия первоначального решения о необходимости применения досудебного содержания под стражей следует периодически возвращаться к этому вопросу на предмет установления, остается ли оно по-прежнему обоснованным и необходимым в свете возможных альтернатив. Если продолжительность содержания обвиняемого под стражей до суда достигает максимального срока наказания, предусмотренного за вменяемые ему преступления, обвиняемый подлежит немедленному освобождению. В максимальной возможной степени следует избегать досудебного содержания под стражей несовершеннолетних.

По общему правилу, меры пресечения могут применяться органом, ведущим уголовный процесс, лишь в том случае, когда собранные по уголовному делу доказательства дают достаточные основания полагать, что подозреваемый или обвиняемый могут скрыться от органа уголовного преследования и суда; воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом, в том числе путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации материалов, имеющих значение для дела, неявки без уважительных причин по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние; противодействовать исполнению приговора. При решении вопроса о необходимости применения меры пресечения к подозреваемому или обвиняемому должны учитываться характер подозрения или обвинения, личность подозреваемого или обвиняемого, их возраст и состояние здоровья, род занятий, семейное и имущественное положение, наличие постоянного места жительства и другие обстоятельства (ст. 117 УПК).

В соответствии с УПК, право давать санкцию на заключение под стражу принадлежит Генеральному прокурору, прокурорам областей, города Минска, районов, районов в городах, городов, межрайонным и приравненным к ним транспортным прокурорам и их заместителям. Заключение под стражу может быть применено также по постановлению Председателя Следственного комитета, Председателя Комитета государственной безопасности или лиц, исполняющих их обязанности. Участие подозреваемого, обвиняемого и защитника при даче санкции необязательно за исключением случаев, когда прокурор желает при этом допросить подозреваемого или обвиняемого.

В этой связи необходимо напомнить позицию КПЧ относительно того, что санкция прокурора на заключение под стражу не может считаться равноценной заменой судебному соответствующему решению, т.к. «во первых, неотъемлемым свойством надлежащего осуществления судебных полномочий является то, что они должны осуществляться органом, проявляющим независимое, объективное и непредвзятое отношение к рассматриваемым вопросам. Комитет также считает, что с правовой точки зрения государственный прокурор не может считаться объективным и непредвзятым лицом и рассматриваться в качестве «должностного лица, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть» по смыслу пункта 3 статьи 9»⁵.

К лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления против мира и безопасности человечества, государства, военного преступления, преступления, сопряженного с посягательством на жизнь и здоровье человека. Заключение под стражу применяется лишь в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, кроме менее тяжкого преступления против порядка осуществления экономической деятельности (за исключением контрабанды, незаконного экспорта или передачи в целях экспорта объектов экспортного контроля, легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем).

Характерной чертой поствыборного уголовного преследования по политическим мотивам стало произвольное, необоснованное применение мер пресечения в виде заключения под стражу при отсутствии допустимых условий ограничения права, гарантированного ст. 9 Пакта. Стало обычным явлением избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совер-

⁵ Сообщение № 1100/2002, Бандажевский против Беларуси, пункт 10.3

шении менее тяжких преступлений. В отсутствие устойчивой справедливой практики применения мер пресечения в качестве крайней меры для обеспечения явки обвиняемого в суд, незаконного воспрепятствования расследованию или повторения преступлений, основания, которые указываются в постановлениях следователя, как правило, являются формальными. Еще более формальным является процесс санкционирования этих постановлений прокурором, который не предусматривает гласной состязательной процедуры и обоснования принятого решения.

О масштабах этого явления можно судить по информации белорусских властей, предоставленной в ООН:

«В период с 9 августа по 23 ноября 2020 года возбуждено больше 1 000 уголовных дел по фактам криминальных проявлений. С учетом собранных следователями совместно с представителями других правоохранительных органов доказательств по уголовным делам уже признаны подозреваемыми 97 лиц, из них 332 предъявлены обвинения, в отношении 238 применена мера пресечения в виде заключения под стражу».

71,6% обвиняемых в преступлениях, многие из которых относятся к категориям менее тяжких (ч. 1 ст. 342, ч. 2 ст. 363, ст. 364, ч. 3 ст. 293 УК и др.) или не представляющих большой общественной опасности (ч. 2 ст. 342, ст.ст. 341, 369, 370 УК и др.), были заключены под стражу. Для сравнения: по сообщению Следственного комитета, за 9 месяцев 2019 года в мера пресечения в виде заключения под стражу за, например, коррупционные преступления применялась в 3% случаях, а в общем объеме уголовных дел – в 23,9% случаев.

Таким образом, с учетом разнообразия составов преступлений, посредством которых преследуются участники протестов и инакомыслящие после президентских выборов, можно утверждать, что мера пресечения в виде заключения под стражу к ним применяется втрое чаще, чем к другим обвиняемым, что следует оценивать как форму репрессий и давления, а также ограничения прав на период предварительного следствия и суда.

Примером может служить заключение под стражу правозащитника **Леонида Судаленко** и журналиста и медиаменеджера **Андрея Александрова**, которые отвечают всем критериям добропорядочности и обвиняются в менее тяжком ненасильственном преступлении.

Они же являются примером использования произвольного обвинения для преодоления законодательных ограничений: обоим обвиняемым вменяются действия, имеющие признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 342 УК - финансирование или иное материальное обеспечение групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок. Однако этот состав преступления относится к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности, а применение в отношении обвиняемых по таким делам меры пресечения в виде заключения под стражу ограничено законом. Поэтому им также вменен состав преступления, предусмотренный ч. 1 этой статьи, который относится к категории менее тяжких и не исключает взятие под стражу.

Не менее сомнительно с точки зрения закона выглядит предъявление новых, более тяжких обвинений для затягивания нахождения обвиняемых по политически мотивированным делам под стражей по истечении возможности продолжать содержание под стражей по первоначальному обвинению. Такие действия органов расследования

нарушают также право на защиту – знать суть обвинения и иметь время для подготовки защиты.

Наблюдением зафиксированы случаи применения меры пресечения в качестве инструмента давления на обвиняемого: в ходе рассмотрения судом Молодечненского уголовного дела по обвинению **Павла Пескова** и **Владислава Евстигнеева**, обвиняемых по ч. 2 ст. 363 УК, в конце заседания гособвинитель зачитал письмо начальника Молодечненского РОВД на имя прокурора Молодечненского района о том, что имеется оперативная информация о намерениях обвиняемого Пескова скрыться от правосудия за пределами РБ. Защита обвиняемого Пескова была лишена возможности ознакомиться с оперативной информацией. Судья приняла решение в пользу обвинения в течение 20-ти минут. Обвиняемому не предоставили возможность защищаться всеми предусмотренными законом средствами против ухудшения правового положения, не сообщив, на чем именно базировалось утверждение о его намерениях скрыться от уголовного преследования. Хотя это решение не повлияло напрямую на возможности осуществлять защиту в целом по делу и не отразилось напрямую на приговоре, тем не менее, этот инцидент подчеркнул предвзятое отношение к нему со стороны суда, а также упрочил подозрения о покровительстве стороне обвинения со стороны суда.

Как уже упоминалось, зафиксированы несколько примеров применения меры пресечения в виде заключения под стражу как без достаточных оснований, так и без учета личности обвиняемого и характера обвинений, которым в результате судом назначены наказания, не связанные с лишением свободы:

Например, содержавшемуся в СИЗО с 19.11.2020 по 02.03.2021 г. врачу больницы скорой помощи **Артему Сорокину**, обвиненному в менее тяжком ненасильственном преступлении, назначили 2 года лишения свободы с отсрочкой наказания на год и штраф 1 450 белорусских рублей.

Таким образом, в целом заключение под стражу использовалось как правило произвольно, в соответствии с политикой государственных органов, направленной на подавление протестной активности и репрессивный порядок разрешения общественного конфликта.

Мера пресечения, связанная с лишением свободы – домашний арест, по одному из дел применена в нарушение национального закона. На период предварительного следствия и суда обвиняемому **Г. Кузнецову** была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. В соответствии с ч. 3 ст. 125 УПК, основания и порядок применения в качестве меры пресечения домашнего ареста, установления и продления его срока, отмены домашнего ареста регулируются соответствующими нормами УПК, относящимися к мере пресечения в виде заключения под стражу. В соответствии с ч. 1 ст. 126 УПК, заключение под стражу в качестве меры пресечения в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 341 УК, может быть применено в исключительных случаях в отношении подозреваемого или обвиняемого, если они не имеют постоянного места жительства на территории Республики Беларусь или не установлена их личность, либо те скрылись от органов уголовного преследования или суда. В соответствии с приговором, такие обстоятельства в настоящем деле отсутствовали.

Таким образом, Г. Кузнецов был незаконно помещен под домашний арест с 7 октября по 3 декабря. Это нарушение не было устранено судом при назначении судебного разбирательства.

ПРАВО НА РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ДЕЛА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ИЗ-ПОД СТРАЖИ

Международный пакт о гражданских и политических правах

Статья 9

3. Каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от представления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора.

4. Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно.

Замечание общего порядка № 35

Статья 9: Свобода и личная неприкосновенность

12. Арест или содержание под стражей могут соответствовать внутреннему законодательству, но тем не менее быть произвольными. Понятие «произвольности» не следует приравнивать к понятию «противозаконности», а следует толковаться более широко, включая в него элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности. Например, содержание под стражей в виде меры пресечения должно быть разумным и необходимым в любых обстоятельствах...

14. Пакт не содержит перечня допустимых оснований для лишения свободы. В статье 9 прямо признается, что отдельные лица могут задерживаться по уголовным обвинениям, а статья 11 прямо запрещает лишение свободы на основании неспособности выполнить договорное обязательство. Другие режимы лишения свободы также должны быть прописаны в законе и подкрепляться процедурами, позволяющими избежать произвольного содержания под стражей. Основания и процедуры, предписанные законом, не должны подрывать право на личную свободу. Режим не должен размывать границы системы уголовного правосудия, предусматривая меры, эквивалентные уголовному наказанию, при отсутствии применимых гарантий защиты...

17. Произвольными являются арест или содержание под стражей в наказание за законное осуществление прав, гарантированных в соответствии с Пактом, включая право на свободу мнений и их свободное выражение (статья 19), свободу собраний (статья 21), свободу ассоциации (статья 22), свободу религии (статья 18).

32. Пункт 3 требует, во-первых, чтобы каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставлялось к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть... Это право призвано поместить содержание под стражей подследственных или обвиняемых по уголовным делам в сферу судебного контроля.

34. Задержанный должен быть физически доставлен к судье или другому должностному лицу, уполномоченному по закону осуществлять судебную власть. Физическое присутствие задержанных на слушании дает возможность узнать об обращении, которому они подверглись в заключении, и облегчает немедленный перевод в изолятор, если принимается решение о дальнейшем содержании под стражей. Таким образом, оно служит гарантией права на личную неприкосновенность и запрета на применение пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. На данном слушании и последующих слушаниях, на которых судья оценивает законность или необходимость содержания под стражей, задержанный имеет право на юридическую помощь, которая в принципе должна предоставляться выбранным им адвокатом.

Как уже отмечалось, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу происходит во внесудебном порядке. Вместе с тем, белорусское законодательство предусматривает возможность судебного контроля: УПК предусматривает возможность обжаловать в суд задержание и заключение под стражу, домашний арест или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста. Является ли такая норма достаточной гарантией права по смыслу ст. 9 Пакта?

Жалобы на задержание и заключение под стражу не подаются непосредственно в суд: жалобы лиц, содержащихся под стражей, на задержание, применение меры пресечения в виде заключения под стражу, продление срока содержания под стражей подаются в суд через администрацию места предварительного заключения, а жалобы лиц, содержащихся под домашним арестом, и иных лиц на задержание, применение меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока содержания под стражей, домашнего ареста подаются в орган, ведущий уголовный процесс.

Администрация места предварительного заключения обязана в течение 24 часов после получения жалобы направить ее в соответствующий орган, ведущий уголовный процесс, о чем уведомляет лицо, подавшее жалобу, а также должностных лиц и суд, принявших решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей. Уведомление защитника о поданной жалобе законом не предусмотрено.

Орган, ведущий уголовный процесс, обязан в отношении задержанного в течение 24 часов, а в отношении заключенного под стражу, содержащегося под домашним арестом, – в течение 72 часов с момента получения жалобы направить ее в суд с приложением материалов уголовного дела, подтверждающих законность и обоснованность задержания, применения меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста. Суд вправе также истребовать иные материалы, необходимые для разрешения жалобы. Орган, осуществляющий уголовное преследование, а также суд, вынесший постановление (определение) о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продливший срок содержания под стражей, домашнего ареста, вправе представить свои обоснования законности и обоснованности задержания, заключения под стражу, домашнего ареста, продления срока содержания под стражей, домашнего ареста.

Судебная проверка законности и обоснованности задержания проводится в срок не более 24 часов, а заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста – в срок не более 72 часов со времени поступления жалобы единолично судьей по месту предварительного расследования уголовного дела, а определения (постановления) суда о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или о продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста – единолично судьей вышестоящего суда с обязательным участием прокурора.

Таким образом, суд может приступить к рассмотрению жалобы на задержание по истечении более 72 часов (без учета времени на прохождение корреспонденции), а на практике – более 5-10 суток с учетом прохождения корреспонденции, выходных и праздничных дней и особенностей отправления, получения и регистрации корреспонденции в каждом из органов. К рассмотрению жалобы на меру пресечения и

домашний арест суд может приступить по истечении более 7 суток, а на практике – значительно позже с учетом времени на пересылку и регистрацию корреспонденции.

Эти сроки несовместимы с обязательством государства по ч. 3 ст. 9 Пакта («*Каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье*»).

Рассмотрение жалобы производится в закрытом судебном заседании, в котором вправе принимать участие потерпевший, его представитель, защитник (если он участвует в деле), законные представители подозреваемого, обвиняемого. Неявка указанных лиц не препятствует рассмотрению жалобы. Таким образом, права подозреваемого и обвиняемого участвовать в рассмотрении своей же жалобы законом не закреплено; судье предоставлено право вызвать задержанного, лицо, содержащееся под стражей, домашним арестом в судебное заседание. По сложившейся практике, участие этих лиц в судебном заседании – скорее исключение (зафиксированы несколько случаев участия в рассмотрении жалобы посредством систем видеосвязи), что несовместимо с обязательствами государства по ч. 3 ст. 9 Пакта.

По результатам судебной проверки судья выносит одно из следующих постановлений:

- об освобождении задержанного, отмене меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и освобождении его из-под стражи, домашнего ареста в случае установления нарушения органом дознания, следователем, прокурором, судом требований статей 108, 110, 114, 125–127 УПК или права подозреваемого, обвиняемого на защиту, необоснованности применения задержания, заключения под стражу или домашнего ареста либо несоответствия предъявленного обвинения содержанию постановления о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или о продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста. При этом судья обязан применить в отношении лица, освобожденного из-под стражи, домашнего ареста, иную меру пресечения, предусмотренную настоящим Кодексом, и разъяснить, что в случае нарушения условий примененной судом меры пресечения лицо может быть вновь заключено под стражу, домашний арест;
- об оставлении жалобы без удовлетворения.

Постановление судьи по жалобе об освобождении задержанного или лица, содержащегося под стражей, домашним арестом, вступает в законную силу по истечении 24 часов с момента вынесения. В течение этого срока оно может быть опротестовано прокурором, а также обжаловано потерпевшим или его представителем в вышестоящий суд. Принесение протеста или подача жалобы приостанавливают исполнение постановления судьи.

На постановление судьи об оставлении жалобы без удовлетворения может быть в течение 24 часов подана жалоба в вышестоящий суд лицом, обжаловавшим задержание, заключение под стражу, домашний арест или продление срока содержания под стражей, домашнего ареста. В случае удовлетворения жалобы вышестоящий суд обязан применить в отношении лица, освобождаемого из-под стражи или домашнего ареста, другую меру пресечения.

Протесты и жалобы на постановление судьи рассматриваются единолично судьей вышестоящего суда в течение трех суток со дня их поступления.

Спорной является норма о том, что повторное обжалование законности задержания либо заключения под стражу, домашнего ареста не допускается. В случае оставления без удовлетворения жалобы на продление срока содержания под стражей, домашнего ареста допускается повторная подача жалобы при каждом новом продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста. Это ограничивает право стороны защиты обращаться в суд даже с вновь появившимися поводами и доводами о незаконности или необоснованности задержания или заключения под стражу, домашнего ареста.

Таким образом, закрепленные законом правила обжалования задержания, заключения под стражу и домашнего ареста (продление их сроков) не являются гарантией права на свободу и личную неприкосновенность.

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ И ПУБЛИЧНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ДЕЛА КОМПЕТЕНТНЫМ, НЕЗАВИСИМЫМ И БЕСПРИСТРАСТНЫМ СУДОМ

Международный пакт о гражданских и политических правах

Статья 14

...Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...

Замечание общего порядка № 32

Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство

19. Требование, касающееся компетентности, независимости и беспристрастности суда, по смыслу п. 1 ст. 14 является абсолютным правом, которое не подлежит никаким изъятиям. Требование независимости относится, в частности, к порядку и условиям назначения судей и гарантиям их несменяемости до достижения установленного законом возраста выхода в отставку или же истечения срока их полномочий в тех случаях, когда такие сроки предусмотрены, условиям, регулирующим продвижение по службе, перевод, приостановление их деятельности и прекращение их функций и фактической независимости судей от политического вмешательства со стороны органов исполнительной и законодательной власти. Государства должны принимать конкретные меры, гарантирующие независимость судебной системы, обеспечивающие защиту судей от любых форм политического вмешательства в процесс принятия ими решений, с помощью конституционных гарантий или принятия законов, устанавливающих четкие процедуры и объективные критерии назначения, выплаты вознаграждения, сохранения занимаемой должности, продвижения по службе, приостановления и прекращения полномочий членов судейского корпуса и применяемых по отношению к ним дисциплинарных санкций. Ситуация, при которой функции и компетенция судебных органов и органов исполнительной власти четко не разграничены или когда последние оказываются в состоянии контролировать или направлять деятельность первых, не совместима с понятием независимого суда...

По смыслу ст. 14 Пакта суд в Беларуси не может отвечать признакам независимости, на что, в частности, указал Комитет по правам человека ООН в заключительных замечаниях по пятому периодическому докладу Беларуси (2018 г.):

«39. Принимая к сведению меры, принятые в рамках судебной реформы, в частности поправки, внесенные в Кодекс о судостроительстве и статусе судей в 2016 году, Комитет по-прежнему обеспокоен тем, что независимости судебной власти продолжает препятствовать роль Президента в отборе, назначении, переназначении, продвижении по службе и смещении судей и прокуроров и контроль с его стороны за этими процессами, а также отсутствием гарантий несменяемости судей, которые первоначально назначаются на пятилетний срок с возможностью переназначения на следующий срок или бессрочно. Он также обеспокоен тем, что оклады судей определяются в президентском указе, а не в законе».

КПЧ рекомендовал «принять все необходимые меры для обеспечения в законодательстве и на практике полной независимости судебных органов, в том числе путем:

- a) пересмотра роли Президента в отборе, назначении, переназначении, продвижении по службе и смещении судей;
- b) рассмотрения возможности создания независимого органа для регулирования процесса отбора судей;
- c) обеспечения гарантий несменяемости судей».

Рассмотрение уголовных дел по обвинению в преступлениях, за которые уголовным законом предусматриваются наказание свыше десяти лет лишения свободы или смертная казнь (ч. 2 ст. 139, ст. 289, ч. 1 ст. 293, ст. 362 УК и др.), а также преступлений несовершеннолетних производится коллегией в составе судьи и двух народных заседателей. При коллегиальном рассмотрении дел все вопросы разрешаются большинством голосов состава суда. При этом процесс назначения народных заседателей непубличный, непрозрачный, большей частью находится в ведении исполнительной власти.

Подбор кандидатов и составление списков народных заседателей осуществляются сроком на пять лет соответствующим районным (городским), областным (Минским городским) исполнительным комитетом (народных заседателей Верховного Суда – Мингорисполкомом). Списки народных заседателей направляются для согласования в органы прокуратуры и адвокатуры и утверждаются соответствующими областными (Минским городским) Советами депутатов (народных заседателей Верховного Суда – Президентом).

Стоит уточнить, что в настоящее время народные заседатели, как правило, не играют заметной роли в рассмотрении уголовных дел и вынесении приговора. По нашему мнению это обусловлено существующими подходами при отборе народных заседателей, который предопределяет отсутствие среди них активных и принципиальных полноправных участников процесса отправления правосудия

Замечание общего порядка № 32

Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство

21. *Требование беспристрастности имеет два аспекта. Во-первых, судьи не должны допускать, чтобы их решения принимались под воздействием личной заинтересованности в исходе дела или предубеждения, и не испытывать предвзятости в отношении рассматриваемого ими конкретного дела и не действовать таким образом, чтобы это неоправданно способствовало интересам одной из сторон в ущерб для другой стороны. Во-вторых, суд обязан также представлять как беспристрастный в глазах разумного наблюдателя. Например, процесс, на ход которого в значительной степени влияет заинтересованность судьи, который в соответствии с внутренними законами должен был бы быть дисквалифицирован, обычно не может считаться беспристрастным.*

26. *Статья 14 гарантирует только процессуальное равенство и справедливость и не может толковаться как обеспечивающая отсутствие ошибки со стороны компетентного суда. По общему правилу именно судам государств - участников Пакта надлежит производить оценку фактов и доказательств или же обеспечивать применение внутреннего законодательства в каком-либо конкретном деле, кроме как если может быть доказано, что такая оценка или применение явным образом носили произвольный характер или составили очевидную ошибку или отказ в правосудии или же если суд каким-либо другим образом нарушил свое обязательство в отношении независимости и беспристрастности.*

Смысл позиции КПЧ заключается в следующем: Комитет крайне редко высказывается о том, правильно ли национальный суд оценил предоставленные ему доказательства; для экспертов большее значение имеет содержание процессуальных гарантий и их соблюдение в каждом конкретном деле. Исключением является ситуация, когда неверная оценка доказательств или неверное применение закона настолько очевидны, что равносильны отказу в правосудии. Наблюдатели были очевидцами ряда ситуаций, когда оценка доказательств обвинения была произведена заведомо неверно в пользу обвинения.

К. Казей и Ю. Сергей судом Заводского района под председательством судьи А. Костюкевич были признаны виновными в совершении преступлений, предусмо-

тренных ч. 1 ст. 13, ч. 2 ст. 339, ч. 3 ст. 295 УК и приговорены к лишению свободы сроком на 7 и 6 лет соответственно со штрафом в размере 4 350 белорусских рублей. Допрошенные обвиняемые вину не признали, Ю. Сергей отказался от дачи показаний. К. Казей заявил, что повреждать имущество потерпевшего не собирался, а боеприпасы ему не принадлежат, в его автомобиле не находились. По выводам суда, доказательством приготовления к злостному хулиганству и незаконных действий обвиняемых в отношении боеприпасов являются показания задержавших их сотрудников ОВД о подозрительном поведении обвиняемых до задержания и признании задержанных в намерении повредить автомобиль потерпевшего, протокол осмотра места происшествия (автомобиля обвиняемого), в ходе которого были обнаружены боеприпасы, заключение эксперта, согласно которому биологический материал на гранате мог произойти от К. Казея, а также объяснения Ю. Сергея, данных им в ходе производства по делу об административном правонарушении, и опросе с использованием видеокамеры [для сюжета республиканского телеканала](#).

Вместе с тем, на всех 59 единицах боеприпасов, обнаруженных в разных местах в автомобиле, отсутствуют биологические следы и следы пальцев рук, принадлежащие обвиняемым; в такой ситуации вероятностный вывод о принадлежности биологических следов на гранате имеет невысокое доказательное значение. Тем более, что на предметах, принадлежность которых не отрицается обвиняемыми, следы пальцев их рук сохранились.

В соответствии со ст.ст. 40, 41, 108, 110 подозреваемым является физическое лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления; подозреваемые имеют право иметь защитника или нескольких защитников с момента объявления постановления органа уголовного преследования о возбуждении против них уголовного дела, о признании их подозреваемыми, о задержании, беспрепятственно общаться со своим защитником наедине и конфиденциально без ограничения количества и продолжительности бесед. Немедленно, после доставления задержанного в орган уголовного преследования должностным лицом, осуществившим фактическое задержание, составляется протокол, в котором указываются основания, место и время фактического задержания (с указанием часа и минут), результаты личного обыска, а также время составления протокола. Протокол объявляется задерживаемому и при этом разъясняются предусмотренные статьей 41 УПК права, в том числе право пригласить защитника и давать показания в его присутствии, что отмечается в протоколе. Протокол подписывается лицом, его составившим, и задержанным. Отказ подозреваемого от защитника производится в присутствии защитника. Задержанный должен быть допрошен по обстоятельствам задержания в порядке, предусмотренном статьями 215–219, 434 и 435 УПК.

Нарушение указанных правил грубо нарушает права подозреваемых и не совместимо ни с требованиями национального законодательства, ни с положениями ст.ст. 9 и 14 Пакта.

Квалификация действий обвиняемых по ст.339 УК не учитывает установленные этим же приговором причины, по которым обвиняемые, по мнению суда, желали причинить вред имуществу потерпевшего: накануне в социальных сетях широко распространилось видео, на котором потерпевший жестоко избивает рукой и ногой одного из участников протестных акций на проезжей части городской улицы; происшедшее вызвало волну негодования и осуждения поведения потерпевшего. Таким образом, для того, чтобы вменить обвиняемым хулиганские мотивы и намерения у суда не

было ни единого основания, а поэтому такая квалификация является надуманной. В случае причинения повреждением колес автомобиля ущерба в сумме, превышающей 1 080 рублей, действия обвиняемых квалифицировались бы по ч. 1 ст. 218 УК; при меньшей сумме ущерба уголовное преследование по этой статье исключается. Также действия обвиняемых могли быть квалифицированы по ст. 341 УК. Однако в силу ст. 13 УК, приготовление к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, уголовную ответственность не влечет.

Доводы защиты в приговоре суд изложил отрывочно, бессистемно и неполно, не дав им обстоятельной оценки; доводы обвиняемого Казея о применении к нему пыток не отражены в приговоре и не получили оценки. Устранения противоречий между доказательствами либо не проводилось, либо носило формальный характер. Показания свидетелей - сотрудников ОВД оценены формально, без учета сложившейся после августа 2020 года социальной напряженности и открытого противостояния между общественными группами и властью, между идеологиями защитников и противников существующего режима, между жертвами и исполнителями пыток и других актов жестокого обращения. При таких обстоятельствах сотрудники ОМОН не могут считаться незаинтересованными свидетелями.

Хотя следует отметить, что установленные судом планы обвиняемых являются исключительно предположениями, не обоснованными в приговоре ни одним из предусмотренных законом доказательств.

Судом отказано в удовлетворении ходатайства о назначении дактилоскопической экспертизы в отношении пневматического пистолета, отношение к которому обвиняемый отрицает. Свидетель защиты утверждает, что осмотр автомобиля, в котором были обнаружены боеприпасы, начался после того, как следователь открыл автомобиль имевшимся у него ключом. Свидетеля к осмотру не допускали, однако в осмотре участвовала съемочная группа государственного телевидения.

Из всего изложенного следует вывод о том, что достоверных доказательств вины К. Казея и Ю. Сергея в преступлениях не установлено, а напротив, есть определенные основания подозревать, что доказательства, на основе которых суд пришел к выводу об их виновности, являются сфальсифицированными и подложными. Поэтому этот приговор должен быть пересмотрен с соблюдением права на справедливое судебное разбирательство.

Еще двумя явными примерами фактического отказа в правосудии являются уголовные дела по обвинению **Александра Троцкого** и **Александра Кордюкова**.

Негативными признакам уголовного процесса после событий лета 2020 года стало участие в деле свидетелей с измененными данными и скрытыми лицами, что исключает для стороны защиты возможности проверить, были ли именно эти люди участниками расследованных и рассматриваемых в суде событий. Также произвольно изменяются идентифицирующие данные транспорта ОВД (регистрационные знаки), который фигурирует в уголовных делах в качестве поврежденного, подвергшегося нападению, блокировке и т.п.

Действительно, уголовно-процессуальное законодательство допускает применение мер по обеспечению безопасности в уголовном процессе. Орган, ведущий уголовный процесс, при наличии достаточных данных, указывающих на то, что имеется реальная угроза убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения иму-

щества, осуществления других противоправных действий в отношении участника уголовного процесса, защищающего свои или представляемые права и интересы, а также иного участника уголовного процесса, членов его семьи и близких в связи с его участием в уголовном процессе, обязан принять предусмотренные законом меры по обеспечению безопасности этих лиц и их имущества. Решения о применении мер безопасности принимаются при установлении органом, ведущим уголовный процесс, обстоятельств, указывающих на наличие оснований для принятия мер безопасности; в случае получения органом, ведущим уголовный процесс, иной информации об обстоятельствах, указывающих на наличие оснований для принятия мер безопасности; по заявлению участника уголовного процесса о необходимости принятия мер безопасности.

Указанные меры должны приниматься и реализовываться законно и обоснованно, не нарушая процессуальных прав стороны защиты.

Применение мер безопасности к сотрудникам ОВД, военнослужащим внутренних войск, как правило, не обосновано наличием реальной опасности для этих лиц, а используется для сокрытия данных тех из них, кто принимал участие в пытках и других актах запрещенного обращения после 9 августа 2020 года, а также с целью воспрепятствовать защите обвиняемых установить обстоятельства дела.

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ

Международный пакт о гражданских и политических правах

Статья 14

2. Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону.

Замечание общего порядка № 32

Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство

30. ...Презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, возлагает обязанность доказывания на обвинение, гарантирует, что никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, пока виновность не была доказана вне всяких разумных сомнений, обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого и требует, чтобы с лицами, которым предъявляются обвинения в совершении уголовного деяния, обращались в соответствии с этим принципом. Все государственные органы власти обязаны воздерживаться от предрешения исхода судебного разбирательства, например, воздерживаясь от публичных заявлений, в которых утверждается о виновности обвиняемого. В ходе судебного разбирательства подсудимые по общему правилу не должны заковываться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в обличи, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками. Средствам массовой информации следует воздерживаться от подачи новостей таким образом, что это подразумевало бы презумпцию невиновности. Кроме того, продолжительность содержания под стражей до суда ни при каких обстоятельствах не должна рассматриваться как указание на виновность и степень виновности.

В некоторых публикациях представителей ОВД имена и лица подозреваемых и обвиняемых не демонстрируются, однако это неустойчивая практика. Чаще в публикациях от имени МВД или предоставленной МВД информации личность фигурантов можно идентифицировать до окончательного признания их виновными судом.

21 сентября 2020 г. в официальном Telegram-канале пресс-секретаря МВД Ольги Чемодановой опубликовано сообщение:

«В отношении двоих мужчин из Жлобина, оскорбивших в соцсети милиционера, возбудили уголовные дела».

В публикации не указана фамилия фигуранта уголовного дела, вместе с тем, в видеоролике опубликовано видео с **Я. Рымаревым**, на котором закадровый голос спрашивает у фигуранта уголовного дела «сожалеет ли он о сделанной надписи; рассказывается ли в содеянном; готов ли он принести извинения». Анализ заголовка данной публикации позволяет прийти к однозначному выводу о том, что её содержание формирует в общественном сознании устойчивое восприятие поступка Я. Рымарева как уголовно наказуемого деяния, в котором он признаёт вину и раскаивается.

На сайте Следственного комитета размещена публикация о завершении расследования уголовного дела **Г. Готовко** с указанием возраста, выдвинутых обвинений, фотографией Готовко, содержание которой имеет характер преждевременной оценки его действий до начала рассмотрения дела судом. Более того, в заголовке публикации имеется отсылка к совершению обвиняемым действий, которые ему не вменялись: термин «беспорядки», указанный в заголовке, относится к более тяжкому преступлению (ст. 293 УК). В последующем обвиняемый в суде содержался в клетке, перемещался по зданию суда в наручниках, в связи с этим справедливым будет вывод, что стандарт презумпции невиновности вопиющим образом нарушен.

В суде Ленинского района г. Могилева обвиняемые С. Петрухин и А. Кабанов содержались в клетке, возле которой находилось 4 конвоира в бронежилетах. Еще несколько милиционеров дежурили снаружи у дверей, а выходы на лестницу были заперты на замки. Такая обстановка создавала впечатление об обвиняемых как об опасных преступниках.

В суде Советского района г. Минска обвиняемая **Наталья Херше** во время судебного заседания содержалась в клетке в обуви с вынутыми шнурками, конвоировалась сотрудниками конвойного подразделения МВД в форме, по коридорам суда передвигалась в наручниках.

В официальном Telegram-канале пресс-секретаря МВД Ольги Чемодановой была опубликована информация о «задержании 43-летнего минчанина, который выбил камеру из рук милиционера» и видеосюжет. В ходе судебного заседания по обвинению Дмитрия Галко было установлено, что камеру обвиняемый не выбивал, а лишь закрыл крышку в ней, сам потерпевший сотрудник милиции Павел Мацкевич сообщил суду, что видеокамера опустилась до уровня его груди и оставалась в руках, продолжая съёмку. Более того, из размещенного видео инцидента, а также хода судебного заседания, в принципе нельзя сделать вывода о том, что видеосъёмку вёл сотрудник милиции. Так, на вопрос о том, кто проводит видеосъёмку, потерпевший Павел Мацкевич сказал: «любительская съёмка», это же он подтвердил в судебном заседании. Признание обвиняемого на видеозаписи о том, что он осознавал, что перед ним сотрудник милиции, было сделано под пытками, которые не расследовались, рас-

смотрение дела не приостанавливалось в связи с заявлением о недопустимых формах ведения следствия. Стандарт презумпции невиновности в отношении Дмитрия Галко был нарушен и в связи с транспортировкой и перемещением его в здании суда Советского района в наручниках за спиной.

Следует заметить, что перечисленные обстоятельства фиксировались наблюдателями в том или ином сочетании в отношении гораздо большего круга обвиняемых.

ПРАВО ПОДГОТОВИТЬСЯ К СУДУ

Международный пакт о гражданских и политических правах

Статья 14

3. Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства:

b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником.

Замечание общего порядка № 32

Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство

33. «Достаточные возможности» должны включать доступ к документам и другим доказательствам; такой доступ должен быть обеспечен ко всем материалам, которые обвинение планирует предъявить на суде против обвиняемого, или оправдывающим обвиняемого. Следует понимать, что оправдывающие материалы включают не только материалы, устанавливающие невиновность, то также и другие доказательства, которые могли бы помочь защите (например, указания на то, что признание вины не было добровольным). В тех случаях, когда утверждается, что доказательства были получены в нарушение статьи 7 Пакта, должна представляться информация об обстоятельствах, в которых было получено такое доказательство, с тем чтобы можно было оценить состоятельность утверждения.

В суде Советского района ходе судебного следствия в отношении обвиняемого Дмитрия Дубкова нарушалось право на защиту, а именно – на конфиденциальное общение с защитником. В первый день слушаний по делу защитник заявила ходатайство об объявлении перерыва на один час в связи с тем, что обвиняемый непосредственно перед судом содержался три недели в камере СИЗО, которая была на карантине в связи с COVID-19, в связи с чем ему были запрещены свидания с защитником для получения юридической помощи. ПЦ «Весна» с тревогой отмечает, что предоставление судьей перерыва на 20 минут в таких обстоятельствах свидетельствует о пренебрежении важнейшим правом обвиняемых – на юридическую помощь; низводит оказание юридической помощи к формальности, девальвирует ценность защиты в целом.

ПРАВО НА ЗАЩИТУ

Международный пакт о гражданских и политических правах

Статья 14

3. Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства:

b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником.

Замечание общего порядка № 32

Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство

24. Право сношения с защитником требует, чтобы обвиняемому был предоставлен скорый доступ к защитнику. Защитнику должна быть предоставлена возможность встретиться со своим клиентом без свидетелей и общаться с обвиняемым в условиях, которые полностью обеспечивали бы конфиденциальность их общения. Кроме того, адвокаты должны иметь возможность консультировать и представлять лиц, обвиняемых в уголовном преступлении, в соответствии с общепризнанными принципами профессиональной этики без каких бы то ни было ограничений, воздействия, давления или неправомерного вмешательства с какой бы то ни было стороны.

В процессе мониторинга к правозащитникам регулярно поступали сведения о том, что обвиняемым и их защитникам регулярно чинились препятствия в общении наедине; обстановка в местах, предназначенных для свиданий обвиняемых и защитников, затрудняла продуктивное общение и работу с документами.

В период произвольного использования уголовного преследования против политических оппонентов власти 2020-2021 года три адвоката были заключены под стражу: 9 сентября – **Илья Салей** (адвокат задержанной Марии Колесниковой), 9 сентября – **Максим Знак** (адвокат Виктора Бабарико) и 31 августа – **Лилия Власова** (она и И. Салей впоследствии освобождены) в связи с их профессиональной и общественной деятельностью.

По надуманным, неприемлемым в демократическом обществе основаниям лишены лицензий и возможности осуществлять защиту адвокаты **Л. Казак, С. Зикрацкий, А. Пыльченко, В. Созончук**, которые защищали репрессированных политиков и активистов, а также А. Барташевич, Н. Ётка, Е. Шинкаревич, Ю. Леванчук, К. Михель, М. Кирилук, М. Конон, О. Баранчик, Б. Лесковский, В. Филипович, С. Пичуха.

Эти меры ставят под угрозу свободное от давления и угроз, добросовестное и независимое оказание помощи всем, кто в ней нуждается. Особенно угрожающе выглядит положение фигурантов политически мотивированных уголовных дел, которые в любой момент могут лишиться возможности получать квалифицированную юридическую помощь как в результате лишения лицензии их защитника, так и вследствие опасения адвокатов принимать на себя защиту таких лиц и активно осуществлять ее.

В других разделах доклада рассмотрены тенденции и некоторые отдельные случаи нарушения права на защиту в совокупности с другими нарушениями прав обвиняемых по политически мотивированным делам.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ

Международный пакт о гражданских и политических правах

Статья 14

4. В отношении несовершеннолетних процесс должен быть таков, чтобы учитывались их возраст и желательность содействия их перевоспитанию.

Замечание общего порядка № 32

Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство

42. В пункте 4 статьи 14 предусматривается, что в отношении несовершеннолетних процесс должен быть таков, чтобы учитывались их возраст и желательность содействия их перевоспитанию. Несовершеннолетние лица должны пользоваться по меньшей мере теми же гарантиями и защитой, которые предоставляются взрослым в соответствии со статьей 14 Пакта. Наряду с этим несовершеннолетние нуждаются в специальной защите. ..

43. Государства должны принимать меры по созданию надлежащей системы уголовного правосудия для несовершеннолетних лиц, с тем чтобы обеспечить, чтобы с несовершеннолетними обращались так, как это соответствует их возрасту. Важно установить минимальный возраст, до достижения которого дети и несовершеннолетние лица не привлекаются к суду за уголовные преступления. Данный возраст должен учитывать их физическую и психологическую незрелость.

44. Во всех соответствующих случаях, в частности, когда необходимо способствовать перевоспитанию несовершеннолетних лиц, предположительно совершивших деяния, запрещенные по уголовному праву, следует применять иные меры, помимо уголовного разбирательства, такие, как посредничество между виновным и потерпевшим, собеседования с участием членов семьи нарушителя, использование консультативных услуг или общинных служб или образовательных программ при условии, что они отвечают требованиям настоящего Пакта и других соответствующих правозащитных стандартов.

До сих пор Беларусь не приняла на себя обязательств по процедуре рассмотрения индивидуальных жалоб по Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка.

Следует с сожалением отметить, что Беларусь не выполнила до сих пор неоднократно повторяемую рекомендацию⁶ Комитета по правам ребенка «создать комплексную систему правосудия в отношении детей со специализированными судами, процедурами и подготовленными судьями, адвокатами и сотрудниками правоохранительных органов». Комитет по правам ребенка ООН также призвал Беларусь:

а) обеспечивать в законодательном порядке и на практике предоставление независимой и качественной юридической помощи детям, обвиняемым или признанным виновными в нарушении уголовного права, с самого начала расследования;

с) применять единый минимальный возраст уголовной ответственности для всех правонарушений, а также не допускать обращения с детьми моложе этого возраста как с правонарушителями и ни при каких обстоятельствах – их помещения в закрытые учреждения;

е) поощрять применение в отношении детей, обвиняемых в совершении уголовных преступлений, внесудебных мер, таких как замена уголовной ответственности другим видом воздействия, посредничество и консультирование, и, в приоритетном порядке, использование мер наказания, не связанных с лишением свободы, таких как условное освобождение и общественные работы;

ф) обеспечить, чтобы лишение свободы применялось лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого срока и чтобы применение этой меры регулярно пересматривалось на предмет ее отмены.

В ходе мониторинга был зафиксирован случай назначения решением суда лишения свободы - направления в учреждение образования закрытого типа 15-летнего ребенка за публикацию данных сотрудников ОВД в Telegram-канале и расходование на собственные нужды полученных на поддержку канала и потерпевших от действий силовиков граждан денежных средств. Правозащитники отмечали политический характер дела, нарушение принципов справедливого суда и тот факт, что применение уголовных по своей сути и содержанию мер к детям, не достигшим возраста уголовной ответственности, недопустимо.

Лишен свободы признанный правозащитным сообществом политзаключенным **16-летний Н. З.**, обвинявшийся в приготовлении к массовым беспорядкам и незаконным действиям в отношении предметов, поражающие свойства которых основаны на действиях горючих веществ. Одновременно, в том же уголовном процессе был осужден К. за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Полагаем, что осуждением к длительному сроку лишения свободы (5 лет), были грубо нарушены права ребенка. Особую обеспокоенность вызвали сообщения о применении к нему пыток, а также отсутствия адекватного медицинского лечения.

Следует иметь в виду, что дети рассматриваются криминологической наукой как специфический субъект преступлений, которому свойственны черты, существенно смягчающие его ответственность:

⁶ Комитет по правам ребенка. Заключительные замечания по объединенным пятому и шестому периодическим докладам Беларуси

«для несовершеннолетних характерен свернутый механизм преступного поведения (без обдумывания решения, перебора вариантов достижения цели), так как они в силу своих возрастных особенностей не могут принимать до конца взвешенные решения и прогнозировать последствия преступного деяния... принятие решения происходит мгновенно либо под влиянием ситуации или соучастников, а часто и взрослых лиц. Ввиду отсутствия внутреннего усвоения подростком внешних регуляторов поведения (мораль, закон) последние в данном случае не срабатывают. Искажено само понимание дозволенного и недозволенного поведения»⁷.

Таким образом, эксперты уверены в том, что недопустимо рассматривать уголовные дела по тем же процедурам в одинаковых условиях, что и в отношении взрослых; тем более недопустимо назначение несовершеннолетним суровых наказаний за впервые совершенные деяния, особенно когда они не повлекли тяжких последствий.

Помимо указанных случаев, известно как минимум о двух несовершеннолетних, осужденных вместе со взрослыми обвиняемыми к лишению свободы по ст. 293 УК: приговором суда Московского района г. Бреста под председательством В. Филоника **17-летние С. Г. и Д. Х.** приговорены к трем годам лишения свободы каждый; вмененные в вину действия они совершили в 16 лет.

Приговором суда Жлобинского района к двум годам лишения свободы приговорен **17-летний В. П.:** согласно выводам суда, участвуя в протестах, тот бросил камень в «автозак». В.П. подвергся пыткам и осужден по ст.ст. 342 и 364 УК. Обвинение в применении насилия в отношении сотрудников ОВД (бросок камнем в автомобиль) базировалось на публикации несовершеннолетнего в социальных сетях, где он утверждал, что разбил камнем стекло автомобиля. Сам несовершеннолетний такие действия в суде отрицал и настаивал на том, что публикация была способом привлечь к себе внимание.

Во всех изложенных случаях суды не воспользовались предоставленной УК возможностью назначить иные меры уголовной ответственности – осуждение с отсрочкой исполнения наказания или с условным неприменением наказания (ст.ст. 77, 78 УК).

⁷ Долгова, А.И. Криминология: учебник/под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005, с. 792

ПРАВО НА ОБЖАЛОВАНИЕ (ПЕРЕСМОТР) ПРИГОВОРА

Международный пакт о гражданских и политических правах

Статья 14

5. Каждый, кто осужден за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону.

Замечание общего порядка № 32

Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство

49. Право на пересмотр осуждения может быть эффективно осуществлено, только если осужденное лицо получает доступ к должным образом мотивированному, составленному в письменной форме приговору суда и, по меньшей мере, в суде первой апелляционной инстанции в тех случаях, когда внутреннее право предусматривает несколько апелляционных инстанций, также и к другим документам, таким, как протоколы судебных заседаний, необходимых для эффективного осуществления права на обжалование.

Уголовные дела, рассмотренные по первой инстанции Верховным Судом не подлежат пересмотру в апелляционном порядке в соответствии в УПК. На это существенное нарушение прав обвиняемых неоднократно указывали международные⁸ и договорные⁹ органы. На момент написания доклада Верховным Судом рассматривалось уголовное дело по обвинению В. Бабарико и др. в совершении преступлений экономического и коррупционного характера.

Кроме того, правозащитники обеспокоены процессуальной возможностью рассмотрения судами уголовных дел в апелляционном производстве без участия обвиняемого, что существенно ограничивает их права.

⁸ Комитет по правам человека. Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Беларуси п. 27

⁹ Сообщение № 2120/2011. Соображения КПЧ по обращению Л. Ковалевой и Т. Козяр, п. 11.6

Также эксперты отмечают недопустимость ограничения обвиняемых и осужденных в доступе к материалам уголовного дела, особенно – к текстам приговоров и протоколам судебного заседания, других процессуальных решений. В частности, ответы на жалобы в порядке надзора осужденным лишь объявляются, а сами эти документы хранятся в личных делах осужденных, что затрудняет дальнейшее обжалование приговора.

Существенным препятствием к обжалованию приговоров в части разрешения гражданского иска является необходимость предварительной уплаты обвиняемым, осужденным или его защитником государственной пошлины в размере 4% от обжалуемой суммы.

РАЗДЕЛ 2. УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ – ИНСТРУМЕНТ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

ПОНЯТИЕ «ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЙ»

Наблюдение за судебными заседаниями, анализ открытой информации, процессуальных и иных документов кладутся в основу вывода о признании тех или иных фигурантов политически мотивированных уголовных дел политзаключенными. Коалиция правозащитных организаций Беларуси принимает соответствующие заявления на основании [Руководства по определению понятия «политический заключенный»](#).

При этом под «лишением свободы» понимается содержание лица в любом месте, если лицо не может его покинуть в силу любого вида принуждения, применяемого должностным лицом государства или с ведома и попустительства должностного лица или органа государства, или в силу подчинения решению судебного, административного или иного органа или должностного лица государства.

Под политическими мотивами понимаются реальные основания неприемлемых в демократическом обществе действий или бездействия правоохранительных и судебных органов, иных субъектов властных полномочий, направленных на достижение хотя бы одной из следующих целей:

- a) упрочение либо удержание власти субъектами властных полномочий;*
- b) недобровольное прекращение или изменение характера чьей-либо публичной деятельности.*

Политический заключенный – лицо, лишенное свободы, если имеет место хотя бы один из следующих факторов:

- a) лишение свободы было применено исключительно из-за его политических, религиозных или иных убеждений, а также в связи с ненасильственным осуществлением свободы мысли, совести и религии, свободы выражения мнений и информации, свободы мирных собраний и ассоциаций, иных прав и свобод, гарантированных Пактом или Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод;*
- b) лишение свободы было применено исключительно из-за ненасильственной деятельности, направленной на защиту прав человека и основных свобод;*
- c) лишение свободы было применено исключительно по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, национального, этнического, социального или родового происхождения, рождения, гражданства, сексуальной ориентации и гендерной идентичности, имущественного положения или иным признакам либо исходя из наличия устойчивой связи с сообществами, объединенными такими признаками.*

Для данной категории политических заключенных правозащитники требуют немедленного и безусловного освобождения и полной реабилитации с возмещением нанесенного вреда.

Политическим заключенным также является лицо, лишенное свободы, если при наличии политических мотивов его преследования имеет место хотя бы один из следующих факторов:

a) лишение свободы было применено в нарушение права на справедливое судебное разбирательство, иных прав и свобод, гарантированных Пактом или Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод;

b) лишение свободы было основано на фальсификации доказательств вменяемого правонарушения либо при отсутствии события или состава правонарушения, либо его совершении иным лицом;

c) продолжительность или условия лишения свободы явно непропорциональны (неадекватны) правонарушению, в котором лицо подозревается, обвиняется либо было признано виновным;

d) лицо лишено свободы избирательно по сравнению с другими лицами.

Для данной группы политических заключенных правозащитники требуют незамедлительного пересмотра принятых в их отношении мер и судебных решений при соблюдении права на справедливое судебное разбирательство и устранении факторов a-d.

Важное обстоятельство: даже при наличии перечисленных факторов, политическим заключенным не признается лицо, которое:

a) совершило насильственное правонарушение против личности за исключением случаев необходимой обороны или крайней необходимости;

b) совершило преступление против личности или имущества на почве ненависти либо призывало к насильственным действиям по национальному, этническому, расовому, религиозному или другим признакам.

ПРОИЗВОЛЬНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ И ЖУРНАЛИСТОВ

Одной из категорий граждан, в отношении которой осуществлялись репрессии в период глубокого кризиса прав человека 2020-2021 гг., стали журналисты и правозащитники. В данном докладе мы объединили эти категории в один раздел, поскольку журналисты и правозащитники не являются непосредственными участниками политической борьбы, не представляют движения преследующие политические цели, однако осуществляют профессиональную деятельность и действуют в общественном интересе.

Преследование в отношении журналистов и правозащитников началось фактически сразу после начала президентских выборов в мае 2020 года и по мере дальнейшего ухудшения внутривнутриполитической ситуации в стране приобрели систематический характер.

По [данным](#) Белорусской ассоциации журналистов в течение 2020-2021 гг. всего было зафиксировано 480 случаев задержаний журналистов, 97 случаев административных арестов. После дня выборов 9 августа 2020 г. было зафиксировано как минимум 62 факта применения насилия в отношении журналистов. Однако самой тяжелой формой репрессий, применяемой властями страны в отношении журналистов, стало их уголовное преследование.

На момент написания доклада, по данным БАЖ, в местах несвободы продолжали удерживаться 12 журналистов, трое из которых (**Екатерина Борисевич, Екатерина Андреева (Бахвалова) и Дарья Чульцова**) уже осуждены к лишению свободы за свою профессиональную журналистскую деятельность. Остальные находятся под стражей в СИЗО. Среди них руководительница организации «Пресс-клуб Беларусь» **Юлия Слуцкая**, сотрудники Пресс-клуба **Алла Шарко, Сергей Ольшевский, Петр Слуцкий**, а также бывшая сотрудница «Белтерадиокампании» **Ксения Луцкина**, журналист газеты «Новы час» **Денис Ивашин**, журналист **Анджей Почобут**.

Что касается преследования правозащитников, то первыми жертвами преследования стали задержанные в сентябре и октябре 2020 г. координаторка волонтерской службы ПЦ «Весна» **Марфа (Мария) Рабкова** и волонтер организации **Андрей Чепюк**. Всего же начиная с мая 2020 г. 18 членов ПЦ «Весна» были подвергнуты различным формам репрессий за свою правозащитную деятельность. Позже по обвинению в «финансировании групповых действий, нарушающих общественный порядок» были взяты под стражу члены ПЦ «Весна» **Леонид Судаленко** и **Татьяна Ласица**. В феврале 2021 г. уголовное дело было возбуждено по факту деятельности ПЦ «Весна» в целом. Обыски в рамках возбужденного дела прошли в офисах региональных отделений организации, а также у представителей БАЖ и БХК. На момент написания доклада по данному делу ведутся активные следственные действия.

3 февраля 2021 г. сотрудниками ДФР КГК [были задержаны](#) директор «Офиса по защите прав людей с инвалидностью» **Сергей Дроздовский** и юрист этой организации **Олег Граблевский**. Оба являются обвиняемыми по уголовному делу, возбужденному по ч. 4 ст. 209 УК (мошенничество, совершенное группой лиц или в особо крупном

размере). С. Дроздовский находится под домашним арестом, а О. Граблевский под стражей в СИЗО.

5 апреля 2021 г. [была задержана](#) и взята под стражу в рамках возбужденного уголовного дела руководитель правозащитной организации «Звено» **Татьяна Гацура-Яворская**. По истечению 10-ти дней задержания она была освобождена без предъявления обвинения, однако остается в статусе подозреваемой.

В данном докладе мы приведем примеры уголовного преследования журналистов на примере уже вынесенных судами приговоров, а также несколько примеров возбужденных уголовных дел в отношении правозащитников.

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО В ОТНОШЕНИИ ЖУРНАЛИСТОК ТЕЛЕКАНАЛА БЕЛСАТ ЕКАТЕРИНЫ АНДРЕЕВОЙ И ДАРЬИ ЧУЛЬЦОВОЙ

Екатерина Андреева и Дарья Чульцова являются журналистками телеканала Белсат – спутникового польского телеканала, вещающего на территорию Беларуси на белорусском языке. Несмотря на многочисленны попытки получить аккредитацию в Республике Беларусь, данному телеканалу было в этом отказано. В течении более 13-ти лет журналисты Белсата были вынуждены осуществлять свою журналистскую деятельность без аккредитации, что служило поводом для привлечения их к административной ответственности за сотрудничество с неаккредитованным в Беларуси иностранным СМИ.

Журналистка Екатерина Андреева и оператор Дарья Чульцова были задержаны сотрудниками МВД 15 ноября 2020 г. в г. Минске в частной квартире, из окон которой, с согласия проживавших там граждан, осуществляли репортаж в прямом эфире (стрим) событий происходивших событий во дворе – митинга на месте задержания и избития неизвестными Романа Бондаренко, умершего в результате нанесенных ему увечий в госпитале.

15 ноября в г. Минске состоялся ряд маршей протеста в связи со смертью Р. Бондаренко. Марш в р-не ст. м. «Пушкинская» был разогнан силовиками, многие участники были задержаны. Часть демонстрантов собралась в районе двора, где был задержан и избит Роман. Люди принесли цветы и возлагали их к стихийно возникшему накануне мемориалу. Собрание носило исключительный мирный характер и не представляло угрозы национальной и общественной безопасности, жизни и здоровью граждан. Несмотря на это место сбора было окружено усиленными силами МВД в экипировке. Для разгона собравшихся использовались спецсредства и светошумовые гранаты. Произошли массовые задержания участников протеста и лиц, оказавшихся в данном районе города случайно. Все эти события и освещали в прямом эфире журналистки Белсат Екатерина Андреева и Дарья Чульцова.

После задержания журналистки были водворены в ИВС, а позже в СИЗО № 1 МВД в г. Минске. Им было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 342 УК (организация либо активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок). Белорусское журналистское и правозащитное, так же, как и международные сообщества потребовали немедленно освободить задержанных журналисток.

Тем не менее, 9 февраля 2021 года в суде Фрунзенского р-на г. Минска [начался](#) судебный процесс по данному уголовному делу, который длился до 17 февраля.

В результате суд [приговорил](#) А. Андрееву и Д. Чульцову к двум годам лишения свободы, что вызвало возмущение и особый общественный резонанс, как в Беларуси, так и за ее пределами.

Эксперты ПЦ «Весна» считают данный приговор незаконным и политически мотивированным, связанным с профессиональной журналистской деятельностью Андреевой и Чульцовой и реализацией ими гарантированной Конституцией Беларуси и Пактом свободы сбора и распространения информации, свободы выражения мнения.

Следует отметить, что репортажи журналистов различных независимых СМИ в прямом эфире (стримы) с мест проведения массовых мероприятий с начала избирательной кампании в мае 2020 г. особенно раздражали власти, которые безосновательно задерживали журналистов их проводящих. Руководство МВД неоднократно заявляло, что они расценивают эти репортажи как руководство и координацию несанкционированных массовых мероприятий.

В данном контексте задержание и последующее осуждение журналисток Белсат за ведение стрима с акции памяти Романа Бондаренко является ничем не прикрытой расправой за осуществлением ими своей законной журналистской деятельности, в том числе преследующей цель запугивания журналистов других независимых СМИ.

Следует отметить, что Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» № 427-3 от 17 июля 2008 г. (с изменениями и дополнениями), действовавший на момент осуществления Андреевой и Чульцовой репортажа предусматривал право журналиста СМИ присутствовать на массовых мероприятиях, в других местах общественно важных событий и передавать оттуда информацию (п. 2.2 ст. 34). Журналистки были визуально обозначены жилетами синего цвета с надписью ПРЕССА, имели соответствующие бейджи и осуществляли свою профессиональную деятельность по заданию своей редакции. Таким образом они не являлись непосредственными участниками собрания, не осуществляли функции его организаторов.

Также выводы суда о якобы имевшем место координации групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок, являются неверными и опровергаются рядом доказательств. В частности, наличием лингвистической экспертизы репортажа Андреевой. В ее словах экспертами не было обнаружено каких-либо призывов к каким-либо действиям, имели место просто констатация и комментарии происходящих в тот день событий.

Также суду не было представлено доказательств того, что именно комментарии, прозвучавшие во время прямого эфира Андреевой, побудили кого-либо к совершению конкретных противоправных действий. Следует также отметить, что в тот день в данном месте у участвующих в собрании граждан вообще отсутствовал доступ к интернету и координировать их действия подобным образом было технически невозможно.

Также эксперты ПЦ «Весна» не согласны с квалификацией действий участников протестного собрания, проходившего в тот день, как групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок. Демонстранты не совершали каких-либо действий, представляющих угрозу национальной или общественной безопасности, общественному порядку, жизни и здоровью населения. Демонстранты мирно реализовывали право на свободу мирных собраний и высказывания мнения по общественно важному событию – убийству неизвестными Романа Бондаренко. Учитывая большое количе-

ство собравшихся в данном месте людей, они не могли физически поместиться на тротуарах и вышли на проезжую часть прилегающих улиц. Данное обстоятельство само по себе не является признаком того, что демонстрация перестала носить мирный характер и требуется ее насильственное прекращение органами МВД. Тем более это не может быть квалифицировано как грубое нарушение общественного порядка.

Таким образом в действиях обвиняемых отсутствует состав инкриминируемого им преступления. Эксперты ПЦ «Весна» считают, что осуждение к лишению свободы Е. Андреевой и Д. Чульцовой было связано с их законной журналистской деятельностью и нарушает их права, гарантированные ст. 19 Пакта. Правозащитное сообщество требует немедленного освобождения Е. Андреевой и Д. Чульцовой.

Показательно, что после данного приговора власти предприняли меры на законодательном уровне по запрещению осуществлению репортажей в живом эфире (стримах) с несанкционированных (незаконных) массовых мероприятий. Соответствующие изменения в Закон «О СМИ» [были приняты](#) Палатой представителей Национального Собрания Беларуси в первом чтении 2 апреля 2021 г.

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО В ОТНОШЕНИИ ЖУРНАЛИСТКИ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛА TUT.BY КАТЕРИНЫ БОРИСЕВИЧ

Ещё одним уголовным делом, вызвавшим значительный общественный резонанс, являлось дело журналистки интернет-портала TUT.BY Катерины Борисевич.

Катерина Борисевич была задержана 19 ноября 2020 г. по подозрению в совершении преступления по ч. 3 ст. 178 УК (разглашение медицинской тайны, повлекшей тяжкие последствия). Также 19 ноября был задержан врач **Артём Сорокин**, который сообщил журналистке информацию, подкрепленную медицинскими документами, о том, что в день избиения и задержания неизвестными Романа Бондаренко (впоследствии умерший в больнице) не был пьян, и в его крови не был обнаружен алкоголь. Данное утверждение опровергало заявление сделанное накануне лично А. Лукашенко о том, что во время инцидента с неизвестными, прибывшими во двор для снятия бело-красно-белых ленточек, с местными жителями и Романом Бондаренко, последний был пьян. Именно это обстоятельство и послужило причиной начала уголовного преследования журналистки Катерины Борисевич и врача Артёма Сорокина, что отчётливо демонстрирует наличие политического мотива власти в этом преследовании.

После предъявления обвинения оба обвиняемых находились под стражей в СИЗО.

19 февраля 2021 г. в суде Московского р-на г. Минска начался судебный процесс по данному уголовному делу.

2 марта 2021 г. [был вынесен](#) обвинительный приговор, в соответствии с которым обвиняемые были признаны виновными в совершении преступления по ч. 3 ст. 178 УК. Катерина Борисевич была приговорена к шести месяцам лишения свободы и оштрафована на 100 базовых величин (2 900 рублей), а врач Артём Сорокин к двум годам лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора на один год и штрафу в 50 базовых величин (1 450 рублей).

20 апреля 2021 г. Мингорсуд рассмотрел апелляционный протест прокуратуры, поданный в связи с мягкостью приговора, вынесенного судом первой инстанции и оста-

вил вынесенный в отношении Борисевич приговор без изменений, а протест прокуратуры без удовлетворения.

С момента задержания К. Борисевич и А. Сорокина белорусское и международное сообщество осудили подобные действия властей, указав на несовместимость подобных действий с международными обязательствами в области прав человека, в том числе в области обеспечения деятельности СМИ, добровольно взятых на себя Республикой Беларусь. 24 ноября 2020 г. в своём [совместном заявлении](#) белорусские правозащитные организации потребовали незамедлительного освобождения журналистки, а 18 декабря было принято аналогичное [заявление](#) о признании врача Артема Сорокина политзаключенным с требованием его немедленного освобождения. Международная Амнистия также признала обоих обвиняемых узниками совести.

Эксперты ПЦ «Весна» считают, что вынесенный в отношении К. Борисевич и А. Сорокина приговор является политически мотивированным, не основанном на законе и подлежащим безусловной отмене в связи с отсутствием состава преступления в действиях К. Борисевич и А. Сорокина.

Следует отметить, что с учетом обстоятельств гибели Романа Бондаренко, попыток власти Беларуси скрыть от общественности истину о произошедшем и желании переложить вину в произошедшем на самого погибшего, журналистка Катерина Борисевич и источник ее информации Артём Сорокин действовали в общественном интересе. Распространенная ими информация была направлена на предотвращение злоупотреблений власти, на попытки скрыть от общественности суть совершенного в отношении Р. Бондаренко преступления. Дальнейшее развитие событий по данному делу только подчеркивает общественную важность этой информации.

Согласно международным законам и стандартам в области прав человека информаторы, раскрывающие информацию, указывающую на правонарушения, в том числе о нарушениях прав человека и злоупотреблениях, должны быть защищены от преследования.

Разглашение сведений медицинского характера было направлено на защиту репутации умершего Романа Бондаренко и опровержение недостоверной информации о действиях представителей органов власти.

Также данный приговор выходит за рамки допустимых ограничений, установленных ст. 19 Пакта, поскольку в свете указанных событий ссылки на охраняемую законом медицинскую тайну являются нерелевантными.

Кроме того, следует иметь в виду, что в соответствии с ч. 3 ст. 178 УК разглашение медицинской тайны должно иметь тяжкие последствия для тех, в отношении кого они были распространены, либо в отношении его близких. Также данная информация должна быть распространена без согласия (помимо воли) лица, в отношении которого она распространена либо его родственников, законных представителей.

Из показаний матери погибшего Романа Бондаренко следует, что она лично дала разрешение на опубликование данной информации и была заинтересована в её распространении, поскольку таким образом стремилась восстановить справедливость и оградить память своего сына от лжи. Никаких тяжких последствий от распространения такой информации для неё соответственно не наступило и не могло наступить.

Это имеет особо важное значение, поскольку состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 178 УК является материальным, требует наступления тяжких последствий (самоубийство, психические расстройства, увольнение с работы и иное).

В связи с возбуждением через три месяца после гибели Романа Бондаренко уголовного дела по факту его смерти, его мать официально признана потерпевшей по делу.

Также необходимо учитывать, что ст. 178 УК указывает на наличие специального субъекта данного состава преступления – медицинский, фармацевтический или иной работник, которому данные сведения стали известны в виду его профессиональной или служебной деятельности. Катерина Борисевич на момент совершения преступления медицинским, фармацевтическим работником, имеющим доступ к подобной информации, не являлась.

Таким образом, учитывая данные обстоятельства, эксперты ПЦ «Весна» приходят к выводу об отсутствии состава преступления в действиях К. Борисевич и А. Сорокина.

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО В ОТНОШЕНИИ ЖУРНАЛИСТА ГАЗЕТЫ «НОВЫ ЧАС» ДЕНИСА ИВАШИНА

12 марта сотрудниками КГБ Беларуси был задержан журналист из Гродно **Денис Ивашин**, занимающийся журналистскими расследованиями. В Беларуси он сотрудничает с редакцией газеты «Новы час». Последний его материал для «Новага часу» был о том, как бывшие украинские сотрудники «Беркута» успешно устроились на службу в белорусскую милицию. Также он является журналистом и редактором белорусской службы сайта «ИнформНапалм».

20 марта стало известно, что Денису Ивашину предъявили обвинение по ст. 365 Уголовного кодекса, якобы, за воздействие на сотрудника органов внутренних дел с целью изменения характера его законной деятельности путем оглашения сведений, которые он желает сохранить в тайне.

В связи с избранием журналисту Денису Ивашину меры пресечения в виде содержания под стражей и с предъявлением ему обвинений по ст. 365 УК представители белорусского правозащитного сообщества, отметили следующее: деятельность Дениса Ивашина в качестве журналиста при проведении журналистских расследований при подготовке [серии публикаций](#) о прохождении службы бывших сотрудников специального подразделения украинской милиции «Беркут» в составе отрядов милиции особого назначения Беларуси (ОМОН) преследовала легитимную цель доведения до сведения общества информации, представляющей социальную значимость. Информация для проведения журналистского расследования бралась из открытых источников.

В соответствии с п. 30 [Замечаний общего порядка](#) Комитета ООН по правам человека № 34, «Статья 19: свобода мнений и их выражения» государствам-участникам необходимо очень тщательно подходить к обеспечению строгого соблюдения требований п. 3 ст. 19 Пакта в процессе разработки и применения законов, касающихся национальной безопасности, служебной тайны, борьбы с подрывной деятельностью или иных сфер. Например, нарушение пункта 3 представляет собой ссылки на такие законы, с тем чтобы удержать или скрыть от широкой общественности информацию, которая представляет законный общественный интерес и не угрожает национальной

безопасности, а также чтобы преследовать журналистов, исследователей или других лиц за распространение такой информации.

Таким образом, эти действия являются ненасильственной реализацией свободы поиска и распространения информации, попадают под защиту ст. 19 Пакта и их нельзя квалифицировать как «воздействие на сотрудника органов внутренних дел с целью изменения характера его законной деятельности».

На данный момент Денис Ивашин продолжает содержаться под стражей в СИЗО г. Гродно. Правозащитное и журналистское сообщество [требует](#) его незамедлительного освобождения и прекращения уголовного преследования.

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО В ОТНОШЕНИИ ПРАВОЗАЩИТНИЦЫ ПЦ «ВЕСНА» МАРФЫ РАБКОВОЙ

Координаторка волонтерской службы ПЦ «Весна» **Марфа Рабкова** и ее муж **Вадим Жеромский** [были задержаны](#) сотрудниками ГУБОПиК вечером 17 сентября 2020 г., по дороге домой. После проведенного обыска и допроса Вадим был освобожден, а Марфа задержана и помещена в ИВС. 25 сентября 2020 г. Марфе [было предъявлено](#) обвинение по ч. 3 ст. 293 УК (обучение или иная подготовка лиц для участия в массовых беспорядках, либо финансирование такой деятельности) и избрана мера пресечения в виде содержания под стражей в СИЗО МВД № 1 г. Минска.

Обсерватория по защите правозащитников, Front Line Defenders, Amnesty International и белорусские правозащитные организации выступили в поддержку Марфы Рабковой и с требованием к властям о немедленном ее освобождении. Ее [признали](#) политической заключенной и узником совести.

11 февраля 2021 г. Марфе Следственным комитетом были предъявлены новые, более тяжелые обвинения - по ч. 2 ст. 285 (участие в преступной организации) и ч. 3 ст. 130 (разжигание вражды в отношении другой социальной группы, совершенное группой лиц). Согласно вновь предъявленным обвинениям Марфе Рабковой грозит до 12-ти лет лишения свободы.

Новые обвинения Марфе Рабковой были предъявлены вскоре после демонстрации по национальному телевидению фильма под названием «Тротил протеста», в котором говорилось о, якобы, причастности ПЦ «Весна» в целом и координаторки волонтерской службы Марфы Рабковой лично, к некой террористической деятельности. В связи с этим Совет ПЦ «Весна» [выступил](#) с заявлением, в котором отметил что Марфа Рабкова является правозащитницей ПЦ «Весна» и подвергается репрессиям исключительно за свою ненасильственную деятельность по защите прав человека, осудил попытки манипуляций с общественным мнением и нарушение принципов презумпции невиновности и в очередной раз потребовал ее немедленного освобождения.

На момент написания доклада Марфа Рабкова продолжает находиться в СИЗО № 1 г. Минска.

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО В ОТНОШЕНИИ ПРАВОЗАЩИТНИКА ПЦ «ВЕСНА» ЛЕОНИДА СУДАЛЕНКО

Леонид Судаленко, председатель Гомельского отделения Правозащитного центра «Весна» был задержан сотрудниками ГУБОПиК по дороге в офис утром 18 января 2020 г. Этим событиям предшествовал проведенный 6 января многочасовой обыск на офисе в г. Гомеле и дома у Леонида Судаленко, после которого он был задержан, но позже отпущен.

28 января 2021 г. Леониду Судаленко было предъявлено обвинение по ч. 1 и ч. 2 ст. 342 УК (организация групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок). Также по аналогичному обвинению 21 января в аэропорту г. Минска была задержана волонтерка ПЦ «Весна» **Татьяна Ласица**.

Леонида Судаленко обвиняют в организации и финансировании групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок. По мнению органов следствия, данную деятельность он осуществлял путём оплаты штрафов лицам, привлеченным к административной ответственности за участие в несанкционированных массовых мероприятиях. Данный новый подход к вопросу помощи оплаты штрафов привлеченным к административной ответственности был озвучен 5 января 2020 г. начальником УСК по г. Минску Сергеем Пасько. По его мнению, оплата штрафа за иное лицо «нивелирует принцип индивидуальности ответственности». Также он заявил, что «следствие выявило значительное количество фактов оплаты штрафов сторонними организациями и физическими лицами за виновных лиц. На эти средства Следственным комитетом с санкции прокурора был наложен арест. Перед заинтересованными ведомствами инициировано проведение процессуальных действий по взысканию денежных средств непосредственно с правонарушителей».

Следует отметить, что нормы ПИКоАП и другие акты законодательства, регулирующие исполнительное производство по взысканию штрафов, наложенных на граждан в связи с привлечением их к административной ответственности, не содержат каких-либо ограничений и запретов по поводу субъектов уплаты этих штрафов. Также законом не предусмотрена процедура повторного взыскания штрафа после его уплаты и окончания в связи с этим исполнительного производства в отношении должника.

Оказание финансовой помощи каким-либо физическим лицом либо группой лиц другому физическому лицу в оплате штрафа также не является нарушением и налогового законодательства, поскольку сумма, не превышающая семь тысяч рублей, полученная в дар в течении года физическим лицом, не подлежит налогообложению. В случае же превышения данной суммы физическое лицо обязано уплатить подоходный налог в конце финансового года.

Данная активность государственных органов была продиктована исключительно деятельностью ряда инициатив, оказывавших помощь гражданам в оплате штрафов, в первую очередь инициатив BY_Help и BYSOL, находящихся за пределами Беларуси. В целях воспрепятствования их гуманитарной деятельности по оказанию помощи жертвам политических репрессий в стране следственные органы продолжили совершенствовать свои неправовые подходы.

12 января 2021 именно по подозрению в осуществлении помощи инициативе BY_Help по оплате административных штрафов участников несанкционированных массовых мероприятий были задержаны журналист и медиаменеджер **Андрей Александров** и **Ирина Злобина**. По мнению МВД, эта деятельность является ничем иным как «финансированием протестной деятельности».

Позже А. Александрову и И. Злобиной было предъявлено обвинение по ч. 1 и ч. 2 ст. 342 УК и они до сих пор находятся под стражей в СИЗО № 1 МВД в г. Минске. Оба обвиняемых были признаны политическими заключенными белорусским правозащитным сообществом, которое требует их незамедлительного освобождения.

Как отметили в своем совместном заявлении белорусские правозащитники, оплата штрафов лицам, которые были привлечены к административной ответственности по ст. 23.34 КоАП, и расходов по их содержанию в ЦИП и ИВС, не имеет ничего общего с финансированием массовых беспорядков или иных групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок: подозреваемые не осуществляли оплату каких-то преступных действий, заведомо не обещали оплату лицам при условии совершения ими действий, охватываемых диспозициями ст. 342 или ст. 293 УК, не принимали участие в их подготовке (обучении, другом материальном обеспечении). Что же касается инициаторов создания инициативы BY_Help и BY_SOL, то власти пошли ещё дальше, возбудив в отношении их организаторов **Алексея Леончика** и **Андрея Стрижака** уголовное дело по ст. 362-1 УК (финансирование экстремистского формирования) и по ч. 2 ст. 342 УК (финансирование групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок).

По версии следствия, Леончик и Стрижак «с помощью других лиц» передавали деньги медиаменеджеру Андрею Александрову и Ирине Злобиной, которые оплачивали штрафы протестующих и покрывали причиненный «их противоправными действиями» ущерб.

Возвращаясь к вопросу уголовного преследования правозащитников, в том числе и Л. Судаленко, следует отметить, что их преследование осуществляется именно по подозрению в оказании финансовой и иной помощи жертвам политических репрессий в стране, т.е. в связи с их мирной деятельностью по защите прав других лиц, в связи с их правозащитной деятельностью.

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ

Уголовное преследование граждан в связи с реализацией ими политических прав, включая право на участие в управлении страной путём участия в выборах, началось фактически сразу после начала президентской избирательной кампании в мае 2020 г.

Первыми жертвами политического преследования стали лица, заявившие о своих намерениях участвовать в выборах в качестве кандидатов в президенты (С. Тихановский), а так же блогеры (С. Петрухин, А. Кабанов, Д. Козлов и др.), известные деятели оппозиции (П. Северинец, Н. Статкевич).

Позже, с дальнейшим ходом избирательной кампании, репрессиям подверглись члены инициативных групп по выдвижению кандидатов в президенты и сами выдвигаемые (В. Бабарико и члены его инициативной группы).

Отдельную группу уголовных дел, связанных с осуществлением публичной политической деятельности составляют уголовные дела, возбужденные в связи с созданием Координационного совета, в который вошли представители команд кандидатов, принимавших участие в выборах, а также представители широких кругов гражданского общества страны.

Ниже мы приводим примеры некоторых уголовных дел, возбужденных в период и после проведения избирательной кампании в связи с осуществлением публичной политической деятельности.

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПРОТИВ БЛОГЕРА СЕРГЕЯ ТИХАНОВСКОГО И ДРУГИХ ФИГУРАНТОВ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «ДЕЛА ТИХАНОВСКОГО»

Еще до начала выборов президента в мае 2020 г. Сергеем Тихановским был создан youtube-канал «Страна для жизни», который очень быстро набирал популярность среди интернет-пользователей страны. На своём канале блогер подвергал критике как действия местных органов власти, так и политику руководства страны в целом. Многие политические обозреватели предполагали, что таким образом С. Тихановский увеличивал свою узнаваемость в стране, приобретая определенный имидж и репутацию «народного борца» в целях своего дальнейшего участия в выборах. Позже о своих политических амбициях заявил и сам Тихановский.

Следует отметить, что использование подобного рода политтехнологий не является чем-то экстраординарным либо незаконным. Свобода высказывания мнений гарантирована гражданам страны Конституцией, также, как и их участие в выборах, проводимых на регулярной основе. Однако в белорусских условиях такого рода активность в преддверии предстоящих выборов не могла не привлечь внимание спецслужб.

Практически сразу же после начала избирательной кампании С. Тихановский, активно объезжавший различные города и регионы страны, был задержан милицией в г. Гомеле и подвергнут судом административному аресту за организацию несанкци-

онированного массового мероприятия. Именно по этой причине он не смог зарегистрировать в ЦИК собственную инициативную группу по выдвижению кандидатом в президенты. Вместо него инициативную группу зарегистрировала его жена Светлана Тихановская, руководителем инициативной группы которой стал Сергей Тихановский. Именно в этом качестве после освобождения он продолжил свою активную политическую деятельность, организуя пикеты по сбору подписей в соответствии с процедурами, предусмотренными Избирательным кодексом.

Данные пикеты, проходившие в различных городах Беларуси, вызывали огромный ажиотаж. К сборщикам подписей в поддержку выдвижения альтернативных кандидатов в президенты (В. Бабарико, С. Тихановской, В. Цепкало) выстраивались многотысячные очереди. Некоторые аналитики назвали это явление «подписная революция». Эти многолюдные очереди наглядно продемонстрировали запрос на перемены в стране у большинства представителей белорусского общества. Очевидным это стало и для представителей правящего режима, которые осознали факт того, что избирательная компания набирает обороты и идет явно не в соответствии с приемлемым для властей сценарием тихих, а самое главное – контролируемых выборов.

Сергей Тихановский был задержан 29 мая 2020 г. во время проведения им пикета по сбору подписей за выдвижение кандидата С. Тихановской, проходившего в г. Гродно в рамках избирательной кампании в месте, не запрещенном для этих целей решением местного исполкома.

Задержание Тихановского стало результатом плохо организованной провокации спецслужб, попавшей в объективы многочисленных видеокамер журналистов и продемонстрировавшей, что со стороны политика не было совершено каких-либо противоправных действий.

В декабре 2020 г. инициативой ВУРОЛ [были опубликованы](#) материалы, подтверждающие версию об имевшей место организованной спецслужбами в отношении С. Тихановского провокации и его безосновательном задержании.

8 июня 2020 г. С. Тихановскому и задержанным вместе с ним гражданам [было предъявлено](#) обвинение по ч. 1 ст. 342 УК (организация либо активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок). Позже Тихановский [был обвинен](#) также по ст. 191 УК (воспрепятствование проведению выборов и работе Центризбиркома) по личному заявлению главы ЦИК Л. Ермошиной, а также по ст. 130 (обвинение в разжигании розни в отношении иной социальной группы) — сотрудников милиции) и по ч.1 ст. 293 УК (организация массовых беспорядков). Сейчас Тихановскому угрожает длительное лишение свободы.

События в Гродно 29 мая 2020 г. послужили формальным поводом для изоляции целого ряда известных блогеров и активистов по обвинению по ст. 342 УК.

Так, по данному обвинению были заключены под стражу блогеры **Сергей Петрухин** и **Александр Кабанов**, **Дмитрий Козлов**, **Владимир Цыганович**, **Игорь Лосик**, политик **Николай Статкевич** и другие фигуранты т.н. [«дела Тихановского»](#). Все они обвинялись по одним и тем же событиям в Гродно 29 мая и все их обвинения были абсолютно идентичными.

Позже некоторым фигурантам данного дела [были предъявлены](#) новые, более тяжелые обвинения. Так, например, политику Николаю Статкевичу и блогеру Игорю

Лосику, водителю автодома «Страна для жизни» **Александрю Арановичу** в декабре 2020 г. были предъявлены обвинения по п. 13 ч. 2 ст. 293 УК (подготовка к участию в массовых беспорядках).

18 января 2021 г. в суде Октябрьского района г. Гродно также [начался](#) судебный процесс над задержанными на избирательном пикете по сбору подписей по выдвижению С. Тихановской в качестве кандидата в президенты 29 мая 2020 г. в г. Гродно **Дмитрием Фурмановым, Евгением Розниченко и Владимиром Книгой**. Именно на этом пикете в результате спланированной провокации спецслужб был задержан С. Тихановский.

В течение 2021 г. состоялся ещё ряд судебных процессов по т.н. «делу Тихановского».

Так, 2 февраля 2021 г. суд Логойского района [приговорил](#) блогера, автора youtube-канала «Слуцк для жизни» **Владимира Неронского** к трем годам лишения свободы по ч. 1 ст. 342 УК (групповые действия грубо нарушающие общественный порядок) и ст. 369 УК (оскорбление представителя власти).

Политзаключенного обвинили в призывах в своих роликах «Слуцк для жизни» к действиям, грубо нарушающим общественный порядок в Слуцке, Мозыре, Бресте, Бобруйске, Могилеве. Суд установил, что делал он это в сговоре с блогером Сергеем Тихановским и политиком Николаем Статкевичем. Также Неронский признан виновным в публичном оскорблении в его ролике на youtube-канале председателя Слуцкого райисполкома Андрея Янчевского.

26 февраля 2021 г. в суде Ленинского района г. Гродно [начался](#) процесс по делу водителя автодома «Страна для жизни» Александра Арановича. По версии следствия с 4 мая 2020 г., вдохновившись призывами Статкевича и Северинца, Аранович присоединился к активистам «Страна для жизни» и в последующем с 20 по 29 мая 2020 года по предварительному сговору с Тихановскими и другими лицами принял участие в действиях, грубо нарушающих общественный порядок в Могилеве и Гродно.

14 апреля 2021 суд Октябрьского района г. Могилева [приговорил](#) известных брестских блогеров **Сергея Петрухина и Александра Кабанова** к трём годам лишения свободы, признав их виновными в совершении преступления по ч. 1 ст. 342 УК (групповые действия, грубо нарушающие общественный порядок) и по ст. 369 УК (оскорбление представителя власти). С. Петрухин также признан виновным по ст. 391 УК (оскорбление судьи).

По версии суда, Петрухин и Кабанов в сговоре с Сергеем Тихановским и Николаем Статкевичем осуществляли «согласованную и целенаправленную деятельность по созданию накануне выборов 2020 года общественно-политической напряженности», реализовывали планы организации протестного движения под видом пикетов, сбора подписей за выдвижение кандидатов в президенты.

Несмотря на то, что обвинения касаются действий, совершенных по предварительному сговору с С. Тихановским и Н. Статкевичем либо при их непосредственном участии, самих Тихановского и Н. Статкевича на этих судебных процессах не допрашивают, создавая таким образом ситуацию, когда данные, установленные в предыдущем судебном заседании, не будут подлежать доказыванию в судебном процессе над самими С. Тихановским и Н. Статкевичем и будут являться доказательствами по делу. Однако следует напомнить, что суд в любом случае должен установить все обстоятельства, относящиеся к сути предъявленного обвинения, и непринятие мер по все-

стороннему и объективному рассмотрению дела будет расцениваться как нарушение принципов справедливого судебного разбирательства.

Кроме того, права обвиняемых блогеров были нарушены их удалением на весь период рассмотрения дела из зала суда. По мнению экспертов ПЦ «Весна», такая мера могла быть применена только «если обвиняемый существенным и систематическим образом препятствует надлежащему проведению судебного разбирательства»¹⁰. Обвиняемые были удалены из зала заседания в первый же день рассмотрения уголовного дела, а впоследствии неоднократно заявляли о своем желании участвовать в судебном заседании. Учитывая то, что нарушение обвиняемыми правил в судебном заседании было разовым и формальным, суд должен был пересмотреть свое решение в интересах осуществления правосудия: в частности, С. Петрухин не дал показаний на предварительном следствии, и не смог сделать этого в судебном заседании. Таким образом, было нарушено право обвиняемых защищать себя лично, предусмотренное п. d ч. 3 ст. 14 Пакта.

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПРОТИВ СОПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПАРТИИ БХД ПАВЛА СЕВЕРИНЦА

Оппозиционный политик, соучредитель партии Белорусская христианская демократия, писатель **Павел Северинец** был задержан сотрудниками милиции 7 июня 2020 г. по дороге домой с пикета по сбору подписей за выдвижение альтернативных кандидатов в г. Минске. Впоследствии в отношении него было вынесено, как минимум, три постановления об административных арестах по 15 суток каждое за участие в предвыборных пикетах и призывы к участию в массовых мероприятиях.

20 августа 2020 г. после 75 суток административного ареста Павла Северинца не выпустили на свободу, а перевели в СИЗО №1 в статусе подозреваемого по ч. 2 ст. 293 УК (массовые беспорядки). 1 сентября 2020 г. ему было предъявлено обвинение.

Как [стало известно](#), в апреле 2021 г. дело Павла Северинца бы передано в Могилевский областной суд.

Следует отметить, что правозащитное сообщество [осудило](#) применение непропорциональной силы при силовых разгонах демонстраций 9, 10, 11 августа 2020 г., возложив всю ответственность за произошедшее на власти Беларуси.

Также правозащитники неоднократно [высказывали](#) несогласие с правовой квалификацией произошедших массовых выступлений граждан в августе 2020 г., как массовых беспорядков. В частности, отмечалось, что демонстрантами не осуществлялись действия, которые охватываются диспозицией ст. 293 УК, и соответственно не могут квалифицироваться как массовые беспорядки. Участники протестов не осуществляли поджогов, погромов, не уничтожали имущество и не оказывали вооруженного сопротивления правоохранительным органам. Отдельные случаи насильственных действий в отношении сотрудников милиции со стороны демонстрантов требуют отдельной правовой квалификации, с учетом контекста и обстоятельств применения насилия, в том числе в контексте самозащиты от заведомо непропорциональных действий сотрудников милиции.

¹⁰ Замечание общего порядка № 32, «Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство»

Следует отметить, что Павел Северинец был изолирован от внешнего мира 7 июня 2020 г., на самых ранних этапах избирательной кампании. Учитывая во многом спонтанный и непредсказуемый характер президентских выборов, он не только не мог лично принимать участие в каких-либо массовых акциях в пост-избирательный период, но и планировать и организовать их.

В связи с этим эксперты ПЦ «Весна» считают, что в действиях П. Северинца отсутствует состав инкриминируемого ему преступления, а утверждения органов следствия о том, что люди массово вышли на улицы после дня голосования 9 августа и в последующие дни под впечатлением от призывов П. Северинца двухмесячной давности носят явно надуманный и ничем не обоснованный характер.

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПРОТИВ КАНДИДАТА В ПРЕЗИДЕНТЫ ВИКТОРА БАБАРИКО И ЧЛЕНОВ ЕГО ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ

В период регистрации собранных подписей по выдвижению кандидатом в президенты 18 июня 2020 г. был задержан и взят под стражу бывший глава «Белгазпромбанка» **Виктор Бабарико**.

Его задержанию предшествовал ряд публичных угроз со стороны действующего главы государства А. Лукашенко, а также утверждение о том, что Виктором Бабарико и его избирательной компанией руководят некие «кукловоды из Кремля». Вместе с В. Бабарико были задержаны и несколько членов его инициативной группы, в том числе и ее руководитель **Эдуард Бабарико**.

Политически мотивированный характер их преследования не вызывал у правозащитников страны никаких сомнений. Все задержанные были позже обвинены по ряду экономических статей УК.

Так, Виктор Бабарико был обвинен по ч. 3 ст. 430 (получение взятки в особо крупном размере либо организованной группой, либо лицом, занимающим ответственное положение), а также по ч. 2 ст. 430 УК (дача взятки повторно, либо в крупном размере).

Защита В. Бабарико неоднократно заявляла о нарушении прав их подзащитного, а на самих адвокатов оказывалась давление, включая лишение некоторых из них адвокатских лицензий. На судебный процесс по делу не допускаются представители независимых СМИ и другие желающие на нём присутствовать. Судебный процесс происходит с нарушениями принципов справедливого судебного разбирательства.

Необходимо упомянуть о т.н. «диалоге», [организованном](#) А. Лукашенко в СИЗО КГБ рядом содержащихся там в тот момент политзаключенных, в том числе и В. Бабарико. Как сообщало государственное телевидение, А. Лукашенко общался с присутствующими в течение четырёх часов, а целью визита было «услышать мнение всех». Сам же Виктор Бабарико позже заявил, что данную встречу никоим образом нельзя называть диалогом и никаких договоренностей между ним и А. Лукашенко во время встречи достигнуто не было.

Следует отметить, что экономические статьи УК активно использовались властями для преследования бизнесменов, тем или иным образом участвовавших в политической кампании В. Бабарико либо оказывавших поддержку общественным инициативам (А. Василевич, Л. Власова, Ю. Шардыко, Д. Рабцевич, В. Кувшинов, В. Михолап).

УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ ЧЛЕНОВ КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕТА

Отдельно следует отметить уголовное преследование членов Координационного совета (КС) либо возбужденных по факту его создания и деятельности уголовных дел. КС позиционировался как представительный орган белорусского общества, был создан по инициативе Светланы Тихановской «с целью организации процесса преодоления политического кризиса и обеспечения согласия в обществе, а также для защиты суверенитета и независимости Республики Беларусь».

Стоит отметить, что с самого начала своего создания Координационный совет был резко негативно воспринят руководством страны и лично А. Лукашенко, который еще 18 августа 2020 г. заявил о незаконном характере его деятельности и попытке захвата власти. Через два дня после его выступления, 20 августа 2020 г., Генеральной прокуратурой Республики Беларусь по факту создания и деятельности Координационного совета было возбуждено уголовное дело по ст. 361 УК. 9 сентября 2020 г. были задержаны член президиума Координационного совета по урегулированию политического кризиса, адвокат **Максим Знак** и адвокат Марии Колесниковой **Илья Салей**.

Этим задержаниям предшествовало похищение в центре Минска 7 сентября 2020 г. неизвестными лицами члена президиума Координационного совета **Марии Колесниковой**. Как позже стало известно, она вместе с еще двумя членами Координационного совета, **Антоном Родненковым** и **Иваном Кравцовым**, была насильственно привезена на белорусско-украинскую границу для выдворения из страны. Однако, порвав свой паспорт на погранпереходе и выпрыгнув из автомобиля, Мария Колесникова помешала реализовать операцию, организованную белорусскими спецслужбами, по вывозу неугодных граждан за пределы страны.

После этого о месте нахождения М. Колесниковой сутки не было ничего известно. 9 сентября СК официально сообщил, что Главным следственным управлением Следственного комитета продолжается расследование уголовного дела, возбужденного Генеральной прокуратурой Республики Беларусь по ч. 3 ст. 361 Уголовного кодекса (призывы к действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь).

В отношении подозреваемых Марии Колесниковой и Максима Знака с санкции прокурора была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Также по подозрению в совершении преступления (ч. 3 ст. 361 УК) задержан Илья Салей (позже ему была изменена мера пресечения на домашний арест, в апреле 2021 на залог).

21 декабря 2020 г. Генеральная прокуратура сообщила о возбуждении уголовных дел в отношении членов Координационного совета **Светланы Тихановской**, **Марии Колесниковой**, **Максима Знака**, **Павла Латушко**, **Ольги Ковальковой**, **Сергея Дылевского** и других по ч. 1 ст. 361-1 УК (создание экстремистского формирования), а в отношении основателя фонда взаимопомощи BY_help **Алексея Леончика** по ст. 361-2 УК (финансирование деятельности экстремистского формирования). Также по факту деятельности КС Следственным комитетом по поручению Генпрокуратуры возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 357 УК (заговор или иные действия, совершенные с целью захвата государственной власти).

Однако власти страны этим не ограничились. После инициированного С. Тихановской

голосования через интернет-платформу «Голос» за проведение переговоров о выходе из политического кризиса между оппозицией и властью, по надуманным основаниям в отношении С. Тихановской и членов инициативы ВУРОЛ, [было возбуждено](#) уголовное дело по ст. 289 УК (акт терроризма).

Следует отметить, что по мере углубления кризиса с правами человека в стране власти все чаще начали прибегать к разного рода манипуляциям общественным сознанием с помощью государственной пропаганды. Все чаще с телеэкранов государственного телевидения заявляется о внешней военной угрозе Беларуси со стороны стран НАТО, о территориальных претензиях Польши, о проникновении оружия и групп боевиков-националистов с территории соседней Украины, о заговоре стран Запада в отношении Беларуси и попытках властей и организаций этих государств дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в стране, в том числе с помощью терактов и даже физического устранения руководства страны.

За весь период кризиса было возбуждено несколько групповых дел о подготовке терактов, создании преступной организации и о заговоре с целью свержения власти.

Ведущую роль во всякого рода разоблачениях якобы существующих заговоров иностранных спецслужб принадлежит руководителю КГБ Ивану Тертелю.

Реальная же цель всех этих информационных и правовых мероприятий – борьба с политической оппозицией, недопущение активизации уличных протестов, запугивание и контроль над белорусским обществом. Вся эта активность ещё раз ярко демонстрирует неуверенность политического режима А. Лукашенко в своих силах и осознание отсутствия поддержки со стороны большинства граждан страны.

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ УЧАСТНИКОВ МИРНЫХ СОБРАНИЙ

24 марта 2021 года государственное информационное агентство БЕЛТА [сообщило](#) со ссылкой на управление взаимодействия со СМИ и редакционной деятельности Генеральной прокуратуры:

«На текущий момент в суды направлено 89 уголовных дел в отношении 154 лиц, которым инкриминированы преступления по ст.342 Уголовного кодекса. На сегодня по названной статье осуждено 87 лиц. В качестве наказаний избраны, как правило, лишение свободы и ограничение свободы, в том числе с направлением в исправительное учреждение открытого типа. В одном случае лицо, совершившее общественно опасное деяние, было признано неизменяемым - суд применил к нему принудительные меры безопасности и лечения».

Ст. 342 УК предусматривает ответственность в том числе за правомерное осуществление прав и свобод гражданами: по ней наказывается организация групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок и сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти или повлекших нарушение работы транспорта, предприятий, учреждений или организаций, либо активное участие в таких действиях при отсутствии признаков более тяжкого преступления. Эти действия наказываются штрафом, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок. Таким образом, достаточно наличия одного или нескольких из перечисленных обстоятельств, чтобы участие в мирном собрании повлекло уголовную ответственность.

Практика свидетельствует о наличии в правоприменении системной проблемы вмешательства государства в свободу собраний, в т.ч. стихийных, в контексте с грубыми нарушениями стандартов свободных, демократических, открытых и конкурентных выборов Президента. ПЦ «Весна» отмечает, что в ходе рассмотрения дела суды не оценивали действия обвиняемых и потерпевших в соответствии с рядом положений законодательства:

- Решением Конституционного суда Республики Беларусь от 07 мая 2018 г. «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь», которым дано толкование применения международно-правовых актов и общепризнанных принципов международного права в национальной правовой системе;
- статьями 33 и 35 Конституции Республики Беларусь о гарантировании государством свободы выражения мнений и проведения собраний;
- статьей 137 Конституции Республики Беларусь о месте Конституции в иерархии нормативно-правовых актов;
- статьями 19 и 21 Международного Пакта о гражданских и политических правах об обязательствах государства по обеспечению свободы выражения мнений и свободы собраний;

- пунктом 4 статьи 40 Международного пакта о гражданских и политических правах, в соответствии с которым «Комитет изучает доклады, представляемые участвующими в настоящем Пакте государствами. Он препровождает государствам-участникам свои доклады и такие замечания общего порядка, которые он сочтет целесообразными»;
- пунктом 51 Заключительных замечаний по пятому периодическому докладу Беларуси, где Комитет по правам человека ООН выразил обеспокоенность регламентацией мирных собраний таким образом, что это препятствует реализации этого права и запретом стихийных собраний.

Республика Беларусь с 30 января 1992 г. является полноправным членом Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Совет экспертов Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека и Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) Совета Европы подготовили Руководящие принципы по свободе мирных собраний, в рамках которых оказали поддержку странам-участницам ОБСЕ в сфере законотворческой деятельности, помогая обеспечить соответствие их законодательства о свободе мирных собраний международным стандартам и обязательствам ОБСЕ.

По мнению авторов Руководящих принципов, собрание **«следует определять как мирное, если его организаторы имеют мирные намерения. Термин «мирное» следует интерпретировать как включающий в себя поведение, которое может раздражать или обижать лиц, не согласных с поддерживаемыми данным собранием идеями или заявлениями, а также как включающий даже такое поведение, которое направлено на намеренное воспрепятствование или создание помех действиям третьих лиц»¹¹.**

В этой связи ПЦ «Весна» с тревогой отмечает, что суды не оценивают действия обвиняемых с имевшим место контекстом, когда государство насильственным образом пресекало собрание, что несовместимо с презумпцией в пользу проведения собраний; позитивным обязательством государства по содействию мирным собраниям и их защите; обязанности государства всегда обеспечивать защиту любого собрания и содействовать его проведению при условии сохранения его мирного характера и принципом пропорциональности мер, предусматривающих наименьший уровень вмешательства. В частности, стихийное собрание рассматривается как реакция на какое-либо событие. Его организатор (если таковой имеется) не имеет возможности выполнить требование по сроке подачи предварительного уведомления. Такие собрания часто близки по времени вызвавшим его событиям, и возможность проведения таких собраний играет важную роль, поскольку задержка ослабила бы эффект от передаваемого таким собранием послания. Закон «О массовых мероприятиях» вообще не предусматривает возможности гражданам провести стихийное собрание.

ОТСУТСТВИЕ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

Определения массовых беспорядков в УК и других нормативных актах не содержатся; нет также официального толкования данного термина. Доктринальное толкование таково:

«Массовые беспорядки в смысле ст. 293 непременно должны сопровождаться насилием над личностью, погромами, поджогами, уничтожением имущества,

¹¹ [Руководящие принципы по свободе мирных собраний](#) подготовлены Советом экспертов БДИПЧ ОБСЕ по вопросам свободы собраний

вооружённым сопротивлением представителям власти. Иные действия участников толпы, выразившиеся в нарушении общественного порядка, влекут административную ответственность, а при грубом нарушении общественного порядка могут влечь ответственность по ст. 339 или 342 [УК]»¹².

По мнению Комитета по правам человека ООН, «положения статьи 293 Уголовного кодекса являются слишком расплывчатыми и широкими, для того чтобы можно было предусмотреть правовые последствия действий того или иного лица, а определение понятия «массовые беспорядки» во внутреннем праве отсутствует»¹³.

В связи с этим Комитет напоминает о том, что право на мирные собрания, гарантируемое статьей 21 Пакта, является одним из основных прав человека, неотъемлемым в демократическом обществе. Это право предполагает возможность организации мирного, в том числе спонтанного, собрания в общественном месте и участия в нем.

Такие недостатки законодательства повлекли соответствующие судебные ошибки. Так, постановляя обвинительный приговор по ч. 2 ст. 293 УК в отношении С., суд Фрунзенского района в составе председательствующей судьи Юлии Близнюк после перечисления абстрактных признаков массовых беспорядков указал, какие конкретные действия совершил обвиняемый С.: с 22.00 10.08 по 01.00 11.08.2020 года на участке от пересечения ул. Притыцкого и пр. Пушкина до пересечения ул. Притыцкого и ул. Бельского, активно грубо нарушая общественный порядок, оказывая неповиновение законным требованиям представителей власти, последствием которых явилось нарушение работы транспорта и предприятий, принял участие в массовых беспорядках, выразившееся в непосредственном совершении погрома в группе с неустановленными лицами путем разграбления, разукомплектования парковочного бокса для хранения металлических покупательских тележек:

«изъял хранящиеся в боксе тележки, переместил их к месту возведения баррикад на пересечении ул. Притыцкого и Бельского в г. Минске, которые своим расположением блокировали проезд и подход сотрудникам ОВД, создали возможность и благоприятные условия для оказываемого иными участниками массовых беспорядков вооруженного сопротивления представителям власти».

В обоснование вины С. суд ссылается на протоколы осмотра различных участков местности различной (в т. ч. более километра) степени отдаленности от места совершения непосредственно вмененного С. действия – изъятия и перевозки тележек. Эти протоколы прямо не доказывают факт массовых беспорядков, а ссылки на них в приговоре изобилуют неконкретными терминами, определениями и безосновательными выводами, а также противоречиями: в частности, из исследованных фотографий суд усмотрел на участке ул. Притыцкого баррикады, а из протокола осмотра того же участка местности – только остатки баррикад. Стоит заметить, что сам по себе термин «баррикады» крайне неконкретно отражает обстановку: баррикадами в приговорах называют скорее символические сооружения, которые состоят из многочисленных элементов (мусорные баки, тележки, цветочные вазоны, др. предметы). Суд без исследования и оценки доказательств, подтверждающих событие

¹² Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под редакцией А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

¹³ Комитет по правам человека. Соображения, принятые Комитетом в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола относительно сообщения № 2212/2012 *** (Андрей Санников против Беларуси)

и обстоятельства противоправных действий других лиц, в приговоре в отношении С. делает неподтвержденный доказательствами вывод о том, что «на территории г. Минске 09.08.2020 и в последующие дни» происходили массовые беспорядки, что недопустимо: приговор суда должен быть обоснованным. Приговор признается обоснованным, если он постановлен на основании лишь тех представленных суду доказательств, которые всесторонне, полно и объективно исследованы в судебном заседании. Приговор суда должен быть мотивированным. Приговор признается мотивированным, если в нем приведены доказательства, на которых основаны выводы суда и мотивы принятых им решений (ст. 350 УПК). Кроме этого вывода, суд также установил, что имели место массовые беспорядки, «то есть действия бесчинствующей толпы, выразившиеся в совершении погрома», учитывая количество протестующих, «агрессивность участников, возведение баррикад, повреждение имущества, совершение насильственных действий в отношении сотрудников правоохранительных органов, использования различных предметов в качестве орудий совершения преступления». Два последних обстоятельства также не были предметом исследования в данном судебном заседании.

Подобный подход продемонстрирован и судом Московского района г. Минска под председательством Т. Пирожниковой: предметом исследований в судебном заседании были события в отдельном районе г. Минска, но вместе с тем суд изложил в приговоре не подтвержденные доказательствами выводы о том, что на территории г. Минска состоялись заранее спланированные массовые беспорядки.

Суд Советского района г. Минска в составе председательствующей судьи Е. Жукович обосновал массовые беспорядки повреждениями коммунальной собственности, нахождением большого количества протестующих людей на улице в определенном месте, об этом также свидетельствовало «наличие нецензурной брани на поверхности асфальта на проезжей части и тротуаре в адрес сотрудников милиции действующей власти, а также оскорбительные надписи в адрес Президента Республики Беларусь».

В г. Бресте уголовные дела по обвинению протестующих по ст. 293 УК направляются в суд и рассматриваются в отношении сразу нескольких обвиняемых. В описательно-мотивировочной части приговора суд Московского района г. Бреста в составе судьи В. Филоника и народных заседателей Н. Грицука и О. Довгалюка указал на конкретные улицы города, где, по мнению суда, происходили массовые беспорядки: улицах Советской и Нефтяной, бульварах Шевченко и Космонавтов, проспекте Машерова. Вместе с тем, судом исследованы только обстоятельства происшедшего на пр. Машерова в районе д. 55 – с участием обвиняемых. При этом конкретное время совершения противоправных действий обвиняемыми приговором не установлено. Также по этому конкретному уголовному делу были вменены и весь материальный ущерб и физический вред сотрудникам ОВД, причиненный в г. Бресте в ходе протестов в разное время и в разных местах города.

Таким образом, нет оснований считать, что в Беларуси в послевыборный период имели место массовые беспорядки, а соответственно привлечение участников мирных собраний к ответственности по ст. 293 часто является произвольным актом репрессий за осуществление своих прав и свобод. Действия отдельных лиц, которые применили насилие не в связи с самообороной или в состоянии крайней необходимости, не в связи с попытками нарушить их законное право на мирный протест, следует индивидуально квалифицировать по соответствующим статьям уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за преступления против общественного порядка и порядка управления.

ОСУЖДЕНИЕ ЗА СОПРОТИВЛЕНИЕ, УГРОЗЫ И НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ ОВД, ДРУГИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ, ПОВРЕЖДЕНИЕ И УНИЧТОЖЕНИЕ ИМУЩЕСТВА, В Т. Ч. В ХОДЕ ПРОТЕСТОВ

Прокуратура [сообщила](#) о том, что на 26.03.2021 г. в суд передано 109 уголовных дел в отношении 147 лиц за сопротивление, угрозы и насилие в отношении сотрудников ОВД, других представителей власти, повреждение и уничтожение имущества. Осуждено свыше 100 граждан, из них 67 – к лишению свободы, 33 – ограничению свободы, в том числе с направлением в исправительные учреждения открытого типа.

В этой связи правозащитники отмечают, что принципиально важно установить наличие в действиях участников протестных акций состава преступлений, предусмотренных ст.ст. 363, 364, 365 УК. Основным непосредственным объектом преступления в виде насилия в отношении сотрудника ОВД являются общественные отношения, обеспечивающие правомерную служебную деятельность сотрудника ОВД как представителя власти – реализацию властных полномочий в отношении неопределенного круга лиц, не подчинённых ему по службе, при выполнении служебных обязанностей, связанных с решением стоящих задач.

Статьями 363, 364, 365 УК охраняется только законная служебная деятельность сотрудника ОВД. В случаях, когда сотрудник ОВД совершает действия явно незаконные, например, превышение власти, граждане вправе прибегнуть к защите вплоть до силового противодействия незаконным проявлениям¹⁴.

В соответствии с ч. 2 ст. 34 УК, не является преступлением действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите жизни, **здоровья, прав обороняющегося или другого лица, интересов общества** или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

С учётом приведённой выше правовой аргументации о необходимости применения международного стандарта свободы собраний и обязанности государства содействовать в их проведении, наряду с отсутствием в национальном законе правового регулирования стихийных собраний, нельзя согласиться с оценкой судов характера действий сотрудников ОВД по насильственному пресечению мирного собрания. В этой связи как правило следует однозначный вывод об отсутствии в действиях обвиняемых такого необходимого признака состава преступления, как объект. Таким образом, в действиях обвиняемых отсутствует состав преступления, предусмотренный соответствующими статьями УК (363, 364 и др). Уголовное преследование участников мирных собраний, применивших ответное насилие, таким образом, как правило, исключено в силу незначительности тяжести телесных повреждений, причинённых сотрудникам ОВД, часто – по неосторожности, в состоянии крайней необходимости – в защиту своих прав или самообороны.

¹⁴ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под редакцией А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с. – автор комментария к ст.364 - начальник Управления правовой информатизации Национального центра правовой информатизации А.М. Браусов.

ПРИМЕНЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ И СПЕЦСРЕДСТВ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В основе многих формально противоправных действий обвиняемых лежат противоправные действия сотрудников ОВД.

Так, В. Р., обвиняемый по ст. 364, в судебном заседании пояснил:

«...кто-то из пробежавших [мужчины, часть из которых были одеты в одежду зеленого цвета, а другая часть – в гражданскую форму, без знаков отличия] нанес ему удар в лицо, от которого он почувствовал боль в области рта и понял, что у него поврежден зубной мост».

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОВД

В п. 123 «Руководящих принципов по свободе мирных собраний ОБСЕ» указано:

«Необходимо, чтобы сотрудников полиции было легко отличить (в том числе по личным опознавательным знакам). Когда сотрудники правоохранительных органов находятся в форме, на их форменной одежде и/или головных уборах должны быть личные опознавательные знаки (например, имя или номер). Они не имеют права снимать или скрывать такие опознавательные знаки, или препятствовать другим лицам читать эту информацию во время собрания».

Таким образом, в ходе охраны мирного собрания сотрудники органов правопорядка должны быть в форменном обмундировании и хорошо идентифицируемыми при необходимости обращения к ним за помощью.

Опознавательные знаки на представителях ОВД (как способ их идентифицировать) дают гражданским лицам минимальные гарантии того, что за задержанием не последует исчезновение или акты запрещенного обращения. Хотя в условиях правового кризиса и обстановке безнаказанности сотрудников ОВД за их любые злоупотребления таких минимальных гарантий, безусловно, недостаточно.

В. Р., обвиняемый по ст.364, в судебном заседании пояснил:

«...в это время со стороны проспекта во двор побежали мужчины, часть из которых были одеты в одежду зеленого цвета, а другая часть – в гражданскую форму одежды. На их одежде отсутствовали знаки отличия, по которым он смог бы определить, что они являются сотрудниками ОВД».

Допрошенный по этому же делу сотрудник ОВД Б. сообщил, что «согласно приказу руководства, он был одет в форменное обмундирование темно-зеленого цвета без опознавательных знаков, черные берцы, на голове была надета балаклава черного цвета», «передвигались на автомобиле «Форд-Транзит» без регистрационных знаков». Свидетель Ф. «службу нес в гражданской одежде».

Приговором суда Советского района г. Минска установлено, что потерпевшие по уголовному делу по ст. 364 УК М., П. и Н. (вымышленные данные) несли службу в гражданской форме одежды и только устно уведомили обвиняемых о своей принадлежности в ОВД уже в процессе возникшего конфликта, передвигались на автомобиле без опознавательных знаков ОВД с обычными номерными знаками другого региона; один из них (М.) в конце конфликта демонстрировал пистолет и угрожал его применением в качестве оружия. На эти обстоятельства указали обвиняемые в обоснование своих сомнений в законности требований указанных сотрудников и их действий. Суд в обоснование своего убеждения в осведомленности обвиняемых о принадлежности потерпевших к ОВД указал на «публично известные факты проведения несанкционированных массовых мероприятий в Республике Беларусь, освещаемые в СМИ, на которых всегда задействуются сотрудники правоохранительных органов для охраны общественного порядка, в том числе и в гражданской форме одежды».

ОЦЕНКА ЗАКОННОСТИ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ОВД

В. Р., которому, по его словам, сотрудник ОВД без формы нанес удар в лицо без предупреждения, непосредственно после случившегося подбежал к нему, «высказался о том, что этот человек не имел права его бить, после чего нанес рукой потерпевшему Б. один удар в область лица». Потерпевший Б. утверждал, что после данных действий «он опустил обвиняемого на землю и обездвигил его». Согласно заключению эксперта, в ходе судебно-медицинской экспертизы у В. Р. выявлены телесные повреждения в виде кровоизлияния на внутренней оболочке губы, которое могло образоваться от однократного травматического воздействия тупого твердого предмета в срок, не противоречащий указанному в постановлении и подэкспертным; локализация не характерна для образования при падении на плоскости. Однако в приговоре суд обошелся без оценки влияния данного доказательства как на оценку показаний сотрудников ОВД, так и на вывод о правомерности действий сотрудников ОВД в период, предшествующий задержанию.

Потерпевшие К., П. и Е. – сотрудники ОВД, в судебном заседании в суде Первомайского района г. Витебска под председательством судьи Родиной Т.М. показали, что в указанный в обвинении день и период времени группа граждан, принимавшая активное участие в несанкционированном массовом мероприятии, выражавшая свое несогласие с результатом выборов президента Республики Беларусь, двигалась по проспекту Строителей в г. Витебске, а далее намеревалась двигаться в направлении площади Победы по проспекту Черняховского.

«С целью пресечения противоправной деятельности – несанкционированного массового мероприятия, недопущения движения колонны граждан, громко выкрикивающих общественно-политические лозунги и не реагирующих на замечания сотрудников ОВД... было принято решение о выставлении рубежа блокирования из числа сотрудников ОВД», – пояснил свидетель К., сотрудник ОВД.

Такие же по содержанию показания сотрудника ОВД свидетеля С. изложены в приговоре по другому делу суд Первомайского района г. Витебска под председательством уже судьи Кораблиной Н.В.

Указанные действия по пресечению мирного шествия и повлекли акты неповиновения со стороны протестующих, а также попытки сорвать с сотрудников ОВД маски,

действия по прорыву сцепки, выходы на проезжую часть. Таким образом, формальные нарушения закона протестующими были спровоцированы действиями сотрудников ОВД, нарушающих право на участие в мирном собрании и свободу выражения мнений при отсутствии оснований для ограничений указанных прав, предусмотренных Пактом.

Обвиняемым С. В., С. Ю., З. Ж. и С. Н. вменено в вину, что они, зная о планируемом проведении группового несанкционированного мероприятия, «осознавая противоправность данного мероприятия и своих действий, вдохновляя своим поведением окружающих, в целях побуждения у них чувства необходимости участия в указанном несанкционированном мероприятии» приняли активное участие в «массовом митинге граждан», а после в числе других протестующих двинулись по улице, где путь им преградили сотрудники ОВД, а С. Н., кроме изложенного – нанесение удара сотруднику ОВД. Допрошенные потерпевшие – сотрудники ОВД указали, что преграждали демонстрантам путь, препятствуя участию в демонстрации, в связи с чем в их сторону стали поступать угрозы, а также полетели предметы. Также протестующие противодействовали попыткам милиции «толпу разделить, и расчистить проезжую часть». Таким образом, и в этом случае насилие со стороны протестующих стало ответом на нарушение сотрудниками ОВД прав участников мирного собрания.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ

Анализ выводов суда и оценки доказательств приводит к сомнению в непредвзятости судов. Установлены случаи обоснования приговоров сомнительными доказательствами причинения повреждений сотрудникам ОВД.

Так, потерпевший Б. Ф. сообщил суду о нанесении ему обвиняемым одного удара в область щеки справа, одного удара в область щеки слева и ногой – в область лица, отчего была рассечена губа. Согласно регистрационной карточки сообщения в службу 102 ГУВД Мингорисполкома, ГУ «Республиканский госпиталь ДФиТ МВД» сообщил об обращении Б. Ф., которому выставлен диагноз «ушиб нижней губы». Обстоятельства причинения – получил удар ногой от правонарушителя. Те же обстоятельства и последствия удара усматриваются из журнала пациентов и отказов в госпитализации. В соответствии с заключением эксперта, у Б. Ф. выявлены: ссадина в области надбровной дуги справа, кровоподтек на верхнем веке правого глаза в области внутреннего угла, ссадина в проекции нижнего края глазницы справа, участок осаднения на фоне кровоизлияния слизистой оболочки нижней губы справа, кровоподтек переходной каймы нижней губы справа; образовались от не менее 1-2 травматических воздействий. Суд Советского района г. Минска (судья Жукович Е.Г.) не дал надлежащей оценки указанному противоречию и не устранил его.

Судом Советского района г. Минска при постановлении приговора в отношении Д. Короткевича без наличия достаточных оснований было отвергнуто заключение эксперта, который высказался об отсутствии в предоставленных медицинских документах достаточных и определенных данных о причинении потерпевшему-сотруднику ОВД телесных повреждений: «достоверно выказаться о наличии химического ожога лица, шеи, глаз по имеющимся в медицинских документах данным не представляется возможным». Тем самым суд принял сторону обвинения, нарушив принцип объективности. В отсутствие доказательств причинения вреда потерпевшему осуждение Д. Короткевича по ст. 364 УК незаконно.

ВЕДЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОТНОШЕНИИ ОБВИНЯЕМЫХ, ПРИМЕНЕНИЕ НЕДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В ходе мониторинга зафиксированы случаи ведения оперативно-розыскной деятельности в отношении обвиняемых по уголовным делам. В то же время, задачами оперативно-розыскной деятельности являются: предупреждение, выявление, пресечение преступлений, а также выявление граждан, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также другие, предусмотренные ст. 3 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Расследование преступлений и сбор доказательств регулируется уголовно-процессуальным законодательством. Нередко результаты ОРМ судами кладутся в основу обвинительных приговоров.

Так, в отношении **обвиняемых** по ст. 364 УК А., И. и Т. 4 ноября 2020 года было проведено ОРМ «слуховой контроль», протокол которого положен судом в основу обвинительного приговора. Вместе с тем, А., И. и Т. были задержаны соответственно 15 октября, 23 сентября и 27 октября 2020 года, и к тому времени не могли быть объектом оперативно-розыскных мероприятий. Данные, полученные в результате осуществления этого ОРМ, были положены судом в основу обвинительного приговора.

Суд Фрунзенского района г. Минска обосновал обвинительный приговор протоколом ОРМ «слуховой контроль» и прослушанными фонограммами ОРМ, записанными в камере СИЗО-1, где содержался **обвиняемый С.**

Обосновывая виновность обвиняемых **К. Казея** и **Ю. Сергея**, суд положил в основу приговора объяснения Ю. Сергея, данные им в ходе производства по делу об административном правонарушении, и опросе с использованием видеокамеры для сюжета республиканского телеканала.

Также видеозаписью опроса и протоколом ее осмотра – т.е. незаконно проведенного допроса в отсутствие защитника, до разьяснения прав подозреваемого и обвиняемого обосновал в приговоре вину **Е. С.** судья суда Московского района С. Кацер.

ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ПРИ НАЛИЧИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВИДОВ НАКАЗАНИЯ И МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Парадоксальность мотивировки назначения судом наказания в виде лишения свободы заключается в том, что данные о личностях обвиняемых в преступлениях, связанных с протестами, как правило являются положительными, свидетельствующими об отсутствии определенной общественной опасности и склонности к совершению преступлений. В этих обстоятельствах суду следовало бы назначать иные виды уголовного наказания, не связанного с лишением свободы или иные меры уголовной ответственности. Вместе с тем, суды, как правило, не приводят конкретных доводов в пользу применения лишения свободы, ограничиваясь общими ссылками на характер преступления, который уже учтен при криминализации деяния.

Так, суд Советского района г. Минска (судья Волк А.А.) мотивировал применение лишения свободы тем, что «совершенное обвиняемыми преступление посягает как на установленный порядок выполнения законной деятельности сотрудника ОВД, так и

на его физическую неприкосновенность, а также наносит очевидный ущерб общественным интересам и отношениям, обеспечивающим правопорядок, функционирование системы органов внутренних дел, создает атмосферу вседозволенности». Следует заметить, что все эти доводы уже учтены законодателем при отдельной криминализации преступлений в отношении сотрудников ОВД, и за такие деяния уже установлена повышенная ответственность по сравнению с нарушением физической неприкосновенности (также гарантированной законом и правом) гражданских лиц.

Суд Ленинского района г. Минска (судья Запасник М.С.), обосновывая применение наказания в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ **обвиняемому** по ч. 1 ст. 342 УК **З. В.**, указал, что *«цели уголовной ответственности, имеющей целью исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами, а также призванной способствовать восстановлению социальной справедливости, могут быть достигнуты при назначении наказания обвиняемому в... виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ, не усматривая оснований для назначения иных видов наказания и применения ст.ст. 77 и 78 УК»*. Выделенный курсивом фрагмент - это цитата из ч. 2 и 3 ст. 44 УК. Таким образом, указанный вывод не обоснован обстоятельствами дела и личностью обвиняемого.

Суд Первомайского района г. Витебска (судья Родина Т.М.), обосновывая назначение наказания в виде лишения свободы **М. А.**, в действиях которого установлены смягчающие вину обстоятельства и не усмотрено отягчающих, по ст. 364 УК, указал, что **«цели уголовной ответственности в отношении обвиняемого М. могут быть достигнуты при назначении ему наказания в виде лишения свободы, поскольку данный вид наказания будет способствовать достижению целей уголовной ответственности, и в данном случае является справедливым»** (выделено составителями).

Суд Первомайского района г. Витебска (судья Кораблина Н.В.), обосновывая назначение наказания в виде лишения свободы **Е. А.**, в действиях которого установлено смягчающее вину обстоятельство и не усмотрено отягчающих, по ст. 364 УК, указал на совершенные им в 2003 и 2007 годах преступления, судимость по которым уже погашена, которые, по мнению суда, характеризовали личность обвиняемого как лицо, склонное к насилию и свидетельствовали о его стойком антиобщественном поведении.

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПО СРАВНЕНИЮ С ДРУГИМИ НАЗНАЧЕНИЕ ЖЕСТКОГО НАКАЗАНИЯ

Кроме прочего, перед наблюдением стояла задача определить, лишены ли обвиняемые по политически мотивированным делам свободы избирательно по сравнению с другими лицами.

Если обратиться к практике применения наказания по статье 363, 364 УК, можно сделать вывод о том, что к обвиняемым как правило были применены непропорционально несоизмеримые содеянному, чрезмерно жесткие и продолжительные наказания. Так, на примере ряда публикаций в СМИ наблюдатели и эксперты приходили к выводу, что эти наказания существенно отличались от предшествующей общей практики.

Например, в отсутствие политического мотива преследования, 33-летний гражданин был осужден к трем годам ограничения свободы без направления в исправительное

учреждение закрытого типа за несколько ударов, нанесенных в состоянии алкогольного опьянения сотруднику ГАИ.

В Лоевском районе местный житель при задержании за нарушение общественного порядка в состоянии алкогольного опьянения нанес удар милиционеру и был наказан тремя с половиной годами ограничения свободы без направления в ИУОТ.

В Минске гражданин в целях воспрепятствования законной деятельности старшего инспектора отдела правопорядка и профилактики УВД администрации Московского района г. Минска, вылил ему в лицо кипяток, а затем распрыснул перцовый баллончик, причинив термический и фитохимический ожог. За совершение преступления, предусмотренного частью 2 статьи 363 УК Республики Беларусь, гражданин осужден к двум годам ограничения свободы.

За 8 месяцев 2019 года в Минске [рассмотрены](#) судами 13 уголовных дел об оказании сопротивления сотрудникам милиции и применения в отношении них физической силы. «Трем подсудимым назначено наказание в виде ареста, остальным – ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа».

В заключениях по конкретным делам экспертами были подобраны иные похожие примеры из судебной практики, предшествующей августу 2020 года.

Применительно к содержанию данного раздела важным будет оценить планируемые изменения уголовного законодательства: проектом соответствующего закона предусмотрено резкое увеличение санкций за совершение ряда преступлений против общественной безопасности и общественной нравственности, против государства и порядка осуществления власти и управления. Кроме того, криминализованы некоторые действия протестного характера.

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ СВОБОДЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ

На протяжении всего периода кризиса прав человека 2020-2021 годов власти Беларуси активно преследовали граждан в связи реализацией ими свободы высказывания мнений. По состоянию на 26 марта 2021 года прокуроры [направили](#) в суды 102 уголовных дела о публичном оскорблении представителей власти в связи с выполнением ими служебных обязанностей в отношении 103 обвиняемых, из которых 65 уже осуждены.

В качестве наказания чаще всего избиралось ограничение свободы, в том числе с направлением в исправительное учреждение открытого типа.

При этом с усугублением кризиса эти формы преследования приобретали все более гротескные формы: от уголовного преследования за надпись «Не забудем» на асфальте в месте гибели от рук сотрудников МВД участника протестов А. Тарайковского, до административных арестов за размещение на окнах штор, жалюзи бело-красно-белой расцветки или за ношение предметов одежды данной расцветки.

Отдельную категорию дел, связанных с реализацией свободы высказывания мнений составляют диффамационные дела, связанные с обвинениями в оскорблении представителей власти (как правило сотрудников МВД), оскорблением либо клеветой в отношении президента, а также дела, связанные с надругательством над государственными символами.

В связи с увеличением количества случаев осуждения и лишения свободы граждан страны по ряду диффамационных статей Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также в связи с надругательством над государственными символами Республики Беларусь представители белорусского правозащитного сообщества выступили с совместным заявлением, в котором сформулировали свою позицию по данной категории уголовных дел и в очередной раз подтвердили ранее неоднократно высказанные требования по декриминализации диффамации и недопустимости лишения свободы граждан за оскорбление должностных лиц, государства, государственных органов и символов.

В заявлении, в частности отмечалось, что статья 19 Пакта гарантирует право на свободу мнений и их выражение. При этом, в целях охраны прав и репутации других лиц, установлены допустимые ограничения этого права.

Декриминализация диффамационных правонарушений является стандартом, сформулированным и обоснованным в решениях ряда международных организаций. Международные органы, ООН и ОБСЕ, рекомендовали отменить законы, предусматривающие уголовную ответственность за диффамацию, или, как минимум, не лишать свободы за совершение диффамационных правонарушений, приняв за норму гражданско-правовое преследование. Парламентская ассамблея ОБСЕ призвала к отмене всех законов, предусматривающих уголовную ответственность за диффамацию публичных лиц, государства или ее органов. Полномочные представители ООН, ОБСЕ по вопросам свободы слова заявляли, что «уголовное преследование за диффа-

мацию не является оправданным ограничением свободы выражения убеждений; все законы об уголовном преследовании за диффамацию подлежат отмене и замене, где это необходимо, гражданско-правовыми мерами ответственности».

В соответствии с Йоханнесбургскими принципами (принципы 15 и 16), мирное осуществление свободы выражения мнения не должно рассматриваться как угроза национальной безопасности или подвергаться ограничениям или наказанию. Выражение мнений, которое не составляет угрозу национальной безопасности, включает, но не ограничивается высказываниями, представляющими собой критику или оскорбление нации, государства или его символов, правительства, государственных ведомств или государственных и общественных деятелей.

Никто не может быть наказан за критику или оскорбление нации, государства или ее символов, правительства, государственных ведомств или общественных и политических деятелей, а также иностранной нации, государства или ее символов, правительства, государственных ведомств или государственных и общественных деятелей, если только эта критика или оскорбление не направлены на подстрекательство к насильственным действиям или могут привести к таким действиям.

Ограничения свободы выражения мнения не должны связываться со служебным положением тех лиц, о которых распространены сведения или информация.

В замечании общего порядка КПЧ ООН № 34 от 12.09.2011 г. Комитет выражает обеспокоенность в связи с законами о таких действиях, как оскорбление высшего должностного лица, неуважение к суду, неуважение к представителям власти, неуважение к флагу и символике, клевета на главу державы, защита достоинства государственных должностных лиц. Он также отмечает, что законом не должны устанавливаться более жесткие меры наказания исключительно в связи с положением отдельного индивида, чья репутация была якобы подвергнута сомнениям.

Таким образом, уровень защиты против диффамационных форм выражения мнения (посягательств на честь, достоинство и репутацию личности путем распространения унижительных сведений либо утверждений оскорбительного характера) у должностных лиц государства, в том числе президента, прокурора или судьи, не должен быть выше, чем у любых других граждан.

Должностным лицам, которые были признаны потерпевшими по уголовным делам по обвинениям в оскорблении или клевете, должны быть обеспечены другие меры правовой защиты их чести и достоинства, в том числе в гражданско-правовом порядке на равных условиях с другими лицами.

Также в данном заявлении правозащитники в очередной раз потребовали от властей Беларуси принять меры, направленные на декриминализацию диффамационных правонарушений и отмену статей Уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за оскорбление (дискредитацию) государства, государственных символов и представителей власти, включая президента, а именно – ст.ст. 188, 189, 367, 368, 369, 369-1, 370 Уголовного кодекса Республики Беларусь, и прекратить все ранее возбужденные по данным статьям уголовные дела.

В период кризиса получила широкое распространение практика применения ст. 130 УК (разжигание расовой, национальной, религиозной вражды или розни), а именно разжигание розни по признаку социальной принадлежности к такой группе,

как сотрудники милиции, государственные служащие либо представители органов государственной власти (госчиновники). Именно в разжигании розни в отношении сотрудников милиции либо госчиновников были обвинены блогеры П. Спирин, С. Тихановский, правозащитница М. Рабкова и др.

Также ст. 130 начала применяться в связи с высказыванием мнений о тех или иных исторических событиях периода Второй мировой войны и оценок поствоенного антисоветского сопротивления в Беларуси, отличающихся от взглядов советской историографии, закрепляемых современными властями Беларуси в качестве единственно верных догматических норм.

Данная практика совпала с началом активной антипольской риторики и пропаганды официального Минска, а также действий власти, направленных на борьбу со ставшим символом протеста национальной символикой (государственной в период 1991-1995 гг.) – бело-красно-белым флагом и гербом «Погоня».

Именно в этих целях властями был разработан и направлен в парламент законопроект о противодействии экстремизму и о противодействии «героизации нацизма». Цель данных законопроектов – признание протестной символики экстремистской и запрещенной к публичной демонстрации. Все эти процессы сопровождаются разного рода манипуляциями и искажениями исторических фактов, пропагандистскими выпадами в худших советских традициях.

Первыми жертвами таких подходов стали представители организаций польского национального меньшинства – руководитель непризнанного «Союза поляков в Беларуси» **Анжелика Борис**, активисты этой организации – журналист **Анджей Почобут**, **Ирена Бернацкая**, **Марина Тишковская**, **Анна Панишева**. В их отношении было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 130 УК и они были взяты под стражу. Позже по обвинению по ч. 3 ст. 130 УК под стражу был взят известный белорусский художник **Алесь Пушкин**.

Ниже мы приводим некоторые примеры уголовных дел, связанных с реализацией гражданами свободы выражения мнений. Многие из них вызвали значительный резонанс в белорусском обществе.

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ В ХУЛИГАНСТВЕ ЗА НАНЕСЕНИЕ НАДПИСИ «НЕ ЗАБУДЕМ!» НА МЕСТЕ ГИБЕЛИ УЧАСТНИКА ПРОТЕСТА А. ТАРАЙКОВСКОГО

Данное дело было возбуждено по факту нанесения надписи «Не забудем!» на асфальте тротуара в районе ст. м. «Пушкинская», на месте гибели застреленного представителями силовых ведомств участника протеста **Александра Тарайковского** в августе 2020 г.

Всего за нанесения данной надписи судом Фрунзенского района г. Минска были осуждены пять человек, двое из которых, **Владислав Гулис** и **Максим Павлющик**, были лишены свободы на два года, а **Денис Греханов** и **Игорь Самусенко** осуждены к полутора годам ограничения свободы с направлением в ИУОТ; **Мария Бобович** осуждена к 18 месяцам ограничения свободы без направления в ИУОТ.

Действия обвиняемых были квалифицированы по ч. 2 ст. 339 (хулиганство, совершен-

ное группой лиц) и ч. 2 ст. 218 УК (умышленное повреждение или уничтожение имущества, совершенное общеопасным способом либо повлекшее причинение ущерба в крупном размере), что угрожало обвиняемым максимальным наказанием в виде лишения свободы сроком на 10 лет. Все обвиняемые до суда находились под стражей в СИЗО № 1 в г. Минске.

В связи с тем, что признанное потерпевшим по делу госпредприятие «Горремавтодор Мингорисполкома» снизил сумму нанесенного учинением данной надписи вреда почти в 40 раз, во время судебных слушаний представитель прокуратуры, поддерживающий гособвинение, отказался от обвинения по ч. 2 ст. 218 УК.

Тем не менее суд признал всех обвиняемых в совершении хулиганства группой лиц и вынес им различные наказания, в том числе связанные с лишением свободы.

Эксперты ПЦ «Весна» категорически не согласны с вынесенным судом приговором, считают его политически мотивированным наказанием обвиняемых за реализацию ими свободы высказывания мнений, не основанном на законе и подлежащему отмене.

Учинение надписи «Не забудем!» на асфальте никоим образом не может быть квалифицировано как хулиганство, поскольку действия по нанесению такой надписи не содержат состава преступления, предусмотренного диспозицией ст. 339 УК.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24.03.2005 г. № 1 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве» судам следует учитывать, что хулиганством, влекущим уголовную ответственность по ст. 339 УК, признаются такие умышленные действия, которые не только грубо нарушают общественный порядок и выражают явное неуважение к обществу, но и сопровождаются применением насилия или угрозой его применения либо уничтожением или повреждением чужого имущества, либо отличаются по своему содержанию исключительным цинизмом. Таким образом для признания действий обвиняемых хулиганством суд должен был доказать наличие у них умысла на совершение действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражают явное неуважение к обществу и сопряженных с уничтожением или повреждением чужого имущества. Однако, как следует из показаний самих обвиняемых и свидетелей, они не имели умысла на совершение подобных действий и не совершали их.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь приведенного выше, хулиганские действия по угрозе уничтожения либо уничтожения чужого имущества, могут сопровождаться действиями, грубо нарушающими общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, так и выступать в качестве самостоятельной формы грубого нарушения общественного порядка и проявления явного неуважения к обществу. При этом уничтожение или повреждение чужого имущества при совершении хулиганских действий означает утрату данным имуществом своих потребительских качеств, приведение его в состояние полной или частичной непригодности.

Надпись «Не забудем» на асфальте тротуара не могла привести и не привела к значительному повреждению или уничтожению дорожного покрытия, и материальный ущерб от такой надписи носил символический характер и был полностью возмещён обвиняемыми.

Таким образом, даже если представить, что надпись «Не забудем!» на асфальте привела к его повреждению либо уничтожению, то у обвиняемых, при учинении ими этой надписи, должен был быть умысел именно на грубое нарушение общественного порядка и проявление неуважения к обществу.

Грубое нарушение общественного порядка может выражаться в совершении таких действий, которые повлекли нарушения нормальной работы транспорта, учреждений, предприятий, привели к срыву массовых мероприятий либо выразились в длительном и упорно непрекращающемся нарушении общественного порядка, повреждении или уничтожении чужого имущества. Явное неуважение к обществу характеризуется заведомым пренебрежением виновным общепринятыми нормами поведения в обществе, активным противопоставлением своей личности интересам общества или отдельных лиц.

Содержание надписи, место, в котором она была сделана (место убийства сотрудниками милиции демонстранта Александра Тарайковского), в контексте общественно-политических событий и публичных общественных дискуссий, политических протестов, происходящих в стране в течение последних трех месяцев, свидетельствуют о том, что мотивом обвиняемых при его нанесении было выражение мнения на данные общественно значимые темы.

Данная форма выражения мнения попадает под защиту Международного пакта о гражданских и политических правах и не имеет ничего общего с предъявленными им обвинениями.

В соответствии со ст. 19 Пакта каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает в себя свободу искать, получать всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или через средства печати или художественные формы выражения или иными средствами по своему выбору. Пользование этим правом может налагать особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, соответственно, связано с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: для уважения прав и репутации других лиц, для охраны общественной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения.

Обвиняемые не посягали на сакральные или историко-культурные ценности, не уничтожили их, а сделанная ими надпись не нанесла необратимых повреждений асфальтовому покрытию, на который она была нанесена. Обвиняемые не использовали нецензурную лексику в надписях либо языка вражды и ненависти по признакам национальной, расовой, религиозной принадлежности или социального происхождения и другим признакам.

Таким образом в действиях обвиняемых отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 339 УК.

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО О «РАЗЖИГАНИИ ВРАЖДЫ И ГЕРОИЗАЦИИ НАЦИЗМА» В ОТНОШЕНИИ ХУДОЖНИКА АЛЕСЯ ПУШКИНА

Одним ярких примеров преследования граждан в связи с выражением ими своего мнения, в том числе посредством искусства, является уголовное дело, возбужденное по ч. 3 ст. 130 УК (разжигание расовой, национальной, религиозной вражды или розни) в отношении художника **Алесь Пушкина**.

Алесь Пушкин был задержан сотрудниками милиции 30 марта 2021 г. на месте работы.

Данному задержанию предшествовало возбуждение 26 марта прокуратурой г. Гродно уголовного дела в отношении руководителя частного учреждения «Центр городской жизни» Павла Можейко и Алесь Пушкина, а также иных лиц «за совершение умышленных действий, направленных на реабилитацию и оправдание нацизма», по ч. 3 ст. 130 УК (разжигание вражды). Павел Можейко был задержан, но позже освобожден без предъявления каких-либо обвинений.

Как сообщили в прокуратуре, основанием для возбуждения уголовного дела стало размещение на выставке, проходившей в помещении учреждения «Центр городской жизни» 19 марта, портрета Евгения Жихаря с автоматом на плече авторства художника Алесь Пушкина. Согласно сообщению прокуратуры, в ходе выставки Алесь Пушкин «характеризовал Жихаря как человека из белорусского сопротивления, борца с большевиками, чем прославлял и одобрял его действия».

Эксперты ПЦ «Весна» считают, что в действиях Алесь Пушкина отсутствует состав инкриминируемого ему преступления и его преследование является политически мотивированным, связанным с реализацией им свободы выражения мнений гарантированных, как Конституцией Республики Беларусь, так и международными нормами в области прав человека.

Объективную сторону состава преступления по ст. 130 УК образуют действия, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства. Это различные действия, имеющие своим результатом формирование неприязни, чувства отвращения или ненависти к представителям определенной расы, национальности, этнической или религиозной группы: пропаганда исключительности и превосходства одной человеческой группы над другими, уничтожение представителей определенной расы, распространение ложной информации о сущности определенного вероучения, порождающее недоверие к представителям данной конфессии, и др.

Характеризуя личность, которую он нарисовал на портрете, Алесь Пушкин не разжигал этим вражду по национальным, расовым, религиозным или иным признакам, не осуществлял пропаганду войны, не предпринимал призывов к каким-либо насильственным действиям, не совершал иных действий составляющих объективную сторону данного состава преступления.

Кроме того, совершение преступления, предусмотренного ст. 130 характеризуется специальной целью и виной в виде прямого умысла.

Специальная цель – возбуждение у населения расовой, национальной, религиозной вражды или розни, унижение национальной чести и достоинства. Содержание умысла предопределяется этой целью и включает осознание фактического характера и общественной опасности совершаемых виновным действий, их направленности на достижение упомянутой цели, желание совершить эти действия.

Выполнение художником Алесем Пушкиным портрета участника антисоветского послевоенного партизанского подполья Евгения Жихаря никоим образом не является оправданием идеологии и практики нацизма, одобрением совершенных нацистами преступлений против мира и безопасности человечества, в том числе военных преступлений, одобрением или оправданием деятельности организаций и лиц, которые были признаны преступными приговорами Международного военного трибунала или приговорами других судов, основанных на приговоре Международного военного трибунала.

Высказывание мнений по историческим фактам, в том числе по событиям послевоенного антисоветского сопротивления, по мнению экспертов ПЦ «Весна», подпадает под защиту ст. 19 Пакта.

Законы, предусматривающие меры наказания за выражение мнений об исторических фактах, являются несовместимыми с предусмотренными Пактом обязательствами государств-участников уважать свободу мнений и право на их свободное выражение. В Пакте не предусмотрено широкого запрета на выражение ошибочных мнений или неверной интерпретации событий, происшедших в прошлом. Ограничения на свободу мнений не должны навязываться ни при каких условиях, а ограничения в отношении права на свободное выражение мнений не должны выходить за рамки требований, предусмотренных пунктом 3 статьи 19 или статьей 20 (п. 49 Замечаний общего порядка КПЧ ООН № 34).

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ АЛЕКСАНДРА КУЛАГО В ОСКОРБЛЕНИИ ПРЕЗИДЕНТА

Данное уголовное дело наглядно демонстрирует, что к лишению свободы в стране может быть приговорен любой гражданин за публичное оскорбление А. Лукашенко, даже если это оскорбление было совершено в абсолютно «бытовых» условиях, что максимально приближает эту ситуацию к «классическим делам» сталинского периода СССР за исключением разницы в длительности и видах наказания за такие действия.

Данный инцидент произошел после выборов 16 августа 2020 г. в Брагинском районе Гомельской области. **Александра Кулаго** в нетрезвом состоянии доставили в больницу для медосмотра. Находясь в приемном отделении, он публично в присутствии милиционеров и медиков выразил оскорбления в адрес А. Лукашенко в виде грубых, нецензурных слов. В отношении А. Кулаго было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 368 УК (оскорбление президента).

9 декабря 2020 г. судья Брагинского районного суда Мария Гавриленко в закрытом судебном заседании приговорила Александра Кулаго к 2 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима.

Оценивая итоги наблюдения за расследованием и рассмотрением судами дел указанной категории, эксперты также пришли к выводу о том, что существенным недостатком приговоров по ст.ст. 367-369 является отсутствие указания на конкретные выражения, которые вменяются обвиняемым, что затрудняет, либо делает невозможным на основании приговора – важнейшего акта правосудия по уголовном делу – сделать вывод об обоснованности уголовного преследования в каждом конкретном случае. Можно предположить, что таким образом суды формируют определенную практику и ограждают публику и потерпевших от повторения неприличных по форме высказываний, однако тот факт, что в некоторых приговорах суды все же приводят такие высказывания дословно, свидетельствует о законности и допустимости таких приемов.

Так, в приговоре суда Лидского района (судья Гаврилов А.Ю.), которым **К. И. был признан** виновным по ст. 369 УК, указаны слова и выражения, признанные судом оскорбительными – «мярзота» (приравнено к «мерзость») и «сволочь», что исключает какие-либо сомнения в предмете оценки суда.

То же можно сказать о приговоре суда Столбцовского района (судья Шутько Л.Г.), которым **К. О. признана** виновной по ст. 369 УК за то, что написала сообщение: «В. урод...»

Следует заметить, что угрозы подвергнуться пыткам либо быть произвольно осужденным к более жесткому наказанию из-за принадлежности к числу участников протестов или инакомыслящих, заставляют многих обвиняемых скрывать истинные мотивы своих действий. Однако в некоторых делах такие мотивы излагаются, но не используются судом в целях, поощряемых Пактом. Так, во время рассмотрения дела в суде Лидского района (судья Гаврилов А.Ю.) заявил, что комментарий оскорбительного характера он написал «имея желание повлиять на сложившуюся в стране общественно-политическую ситуацию, склонить правоохранительные органы к мирному диалогу, без применения физической силы». Эти обстоятельства не были подвергнуты судом оценке с позиции прав человека и Пакта.

ПРОИЗВОЛЬНОЕ ВЗЫСКАНИЕ КОМПЕНСАЦИЙ

В уголовном процессе рассматриваются гражданские иски физических и юридических лиц, а также прокурора о возмещении физического, имущественного или морального вреда, причиненного непосредственно преступлением или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого. Доказывание гражданского иска, предъявленного в ходе производства по уголовному делу, производится в порядке, предусмотренном УПК, а если процессуальные отношения, возникшие в связи с гражданским иском, не урегулированы УПК, то применяются нормы гражданского процессуального законодательства, если они не противоречат УПК. Обязанность доказывания обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, лежит на органе уголовного преследования, а в судебном разбирательстве – на государственном или частном обвинителе (ст.102 УПК).

В этой связи Верховный Суд указал¹⁵:

«12. В соответствии с требованиями ст.ст. 360 и 362 УПК в описательно-мотивировочной части приговора судом приводятся мотивы принятого по гражданскому иску решения. По каждому исковому требованию суд должен определить характер вреда (физический, имущественный, моральный); привести и оценить в соответствии с требованиями ст. 105 УПК доказательства, имеющие отношение к гражданскому иску; указать норму соответствующего материального закона, на основании которой гражданский иск подлежит разрешению. При полном или частичном удовлетворении иска о возмещении имущественного или физического вреда судом приводятся соответствующие расчеты его размера. По искам о компенсации морального вреда суду следует с учетом доводов истца и возражений обвиняемого, гражданского ответчика изложить мотивы принятого решения исходя из конкретных обстоятельств, повлекших причинение вреда, а также требований разумности и справедливости».

Таким образом, закон не освобождает сторону обвинения от обязанности доказывать все обстоятельства, связанные с гражданским иском, а лишь перекладывает бремя доказывания на орган уголовного преследования и обвинителя. Также, наравне с доказательствами виновности или невиновности лица и других обстоятельств, имеющих значение для уголовно-правовой оценки деяний обвиняемого, суд обязан проверить и оценить доказательства (или их отсутствие) по гражданскому иску в уголовном процессе, привести результаты проверки и оценку в процессе.

Однако повсеместно наблюдалась практика разрешения гражданских исков без учета указанных правил. В основу приговоров в части разрешения гражданского иска, как правило, положены лишь показания потерпевших, и иных доказательств, необходимых для оценки этих показаний обвинением не представлялось. Судом доказательства не анализировались и неверно оценивались на предмет достаточности для вынесения приговора в этой части.

Потерпевший П. – сотрудник ОВД, заявил исковые требования к обвиняемым А. и Т. о взыскании материального возмещения морального вреда в сумме 2 500 рублей с

¹⁵ Постановление Пленума ВС от 24 июня 2004 г. № 8 «О практике рассмотрения судами гражданского иска в уголовном процессе»

каждого. Телесных повреждений потерпевшему причинено не было, суд ограничился указанием на причинение потерпевшему (и другим потерпевшим, не заявившим иска) физической боли, моральных страданий и побоев. Обосновывая взыскание с обвиняемых возмещение вреда в размере по 2 000 рублей, суд сослался на нормы права, а также указал, что «учитывает обстоятельства совершения преступления, наступившие последствия, степень нравственных и физических страданий потерпевшего, материальное положение обвиняемых, а также требования разумности и справедливости». Какие именно и в связи с чем потерпевший испытал нравственные и физические страдания, суд в приговоре не указал. Из показаний потерпевшего П., данных в судебном заседании, усматривается, что обвиняемые не наносили ему ударов, только вытаскивали его из автомобиля. Испытывал ли он при этом боль, в изложенных в приговоре показаниях потерпевшего не отражено.

Потерпевшие К., П., и Е. – сотрудники ОВД, заявили к обвиняемому М. иск о взыскании денежной компенсации морального вреда в сумме 1 000 рублей каждому в связи с причинением им физических и нравственных страданий, обусловленных применением в отношении них насилия, а также угрозы применения насилия. Обосновывая взыскание указанной суммы, суд сослался на нормы ГК и учел степень «физических и нравственных страданий» и принцип разумности и справедливости. При этом только потерпевший П. обращался в медицинское учреждение по поводу последствий распыления слезоточивого газа, а действия в отношении потерпевшего К. выразились в удержании его руками за туловище, не причинившее ему боли и повреждений.

Определяя сумму, подлежащую взысканию в пользу потерпевшего Д. Е., суд Лидского района помимо общих ссылок на требования разумности и справедливости учел в приговоре обстоятельства содеянного – совершение действий с выходом в сеть Интернет, что, по мнению суда, увеличивает степень нравственных и душевных страданий потерпевшего. Однако это выходит за рамки обоснования требований, изложенных со слов потерпевшего в приговоре, и придает процессу черты инквизиционного – когда суд, а не стороны, добывает доводы и доказательства. Кроме того, указание в приговоре на учет судом материального положения обвиняемого при определении размера компенсации – 3 000 рублей, опровергается отсутствием в приговоре сведений о доходе обвиняемого (работающего слесарем) и его семьи, наличием сведений о том, что он имеет на иждивении троих несовершеннолетних детей, жену, страдающую онкологическим заболеванием и являющуюся инвалидом. При таких обстоятельствах сумма возмещения за публикацию в мессенджере Telegram, содержащую оскорбительные высказывания в адрес потерпевшего, необоснованно завышена.

Приговором Минского городского суда с обвиняемого по ч. 1. ст. 14, ст. 362 УК А. Т. в пользу потерпевшего Ю. В. взыскана материальная компенсация морального вреда в размере 10 000 рублей. Суд определил размер морального вреда исходя из «характера причиненных... физических и нравственных страданий», а также с учетом требований разумности и справедливости. Вопреки закону, суд не учитывал материальное положение обвиняемого и потерпевшего, а также неправильно оценил обстоятельства, свидетельствующие о характере причиненных страданий: потерпевшему причинены один кровоподтек на правом предплечье, один – на левой боковой поверхности туловища, ссадина на правой стопе (все - без указания в приговоре размеров), которые относятся к телесным повреждениям, не повлекшим за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности.

В суде Ленинского района г. Минска в пользу потерпевшего Мельникова В.Е. судья М. Запасник взыскала с **А. Червинского, С. Раткевича и А. Хренкова** по 5 000 белорусских рублей с каждого в компенсацию морального вреда: потерпевшему их «совместными действиями» причинены телесные повреждения, не повлекшее за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности. Стоит напомнить, что такая степень тяжести устанавливается в соответствии с Инструкцией о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений при наличии незначительного скоропроходящего последствия для здоровья.

Судьи, занимая обвинительную позицию, допускают и процессуальные нарушения, ведущие к грубому нарушению интересов обвиняемых. Так, судом Центрального района г. Минска в уголовном деле по обвинению **Олега Зубрицкого** рассматривался гражданский иск о возмещении морального вреда, причиненного преступлением: потерпевшей в мессенджер поступали сообщения оскорбительного и угрожающего характера, в отправке одного из них обвинялся Зубрицкий. В судебных прениях потерпевшая отказалась от иска. Судья, не выясняя мотивов отказа и не разъясняя его последствий, предложила ей «посоветоваться» (потерпевшая не была представлена юристом) и вышла из зала. После перерыва потерпевшая вновь поддержала иск, который впоследствии был удовлетворен на всю заявленную сумму.

Между тем, в соответствии со ст. 154 УПК, физическое лицо вправе отказаться от предъявленного им гражданского иска. Заявление истца об отказе от иска заносится в краткий протокол, протокол судебного заседания. Отказ от иска может быть принят судом с вынесением постановления в любой момент судебного разбирательства, но до удаления суда в совещательную комнату для принятия решения. Принятие отказа от иска влечет прекращение производства по нему. Судом не принимается лишь вынужденный отказ от иска. Согласно позиции Верховного Суда, «при отказе гражданского истца, его представителя от иска судом должны быть выяснены мотивы такого отказа. Гражданскому истцу разъясняются последствия принятия судом отказа от иска, предусмотренные как ч. 4 ст. 154 УПК, так и ст. 164 ГПК¹⁶». Таким образом, при рассмотрении уголовного дела судья, вместо беспристрастного разъяснения в установленном порядке соответствующих положений закона и принятия процессуальных решений, по сути высказала свое мнение о позиции гражданского истца, не выясняя ее мотивов, до удаления в совещательную комнату.

В суде Центрального района г. Минска потерпевший – сотрудник ОВД, обосновывая требования о компенсации ему причиненного морального вреда, заявил, что «после этих событий на душе было не очень спокойно, нарушился сон, бессонница, я не спал около двух ночей, что сказало на моей служебной деятельности, на собранности, ... Нарушение здоровья, какое-то вот вялость постоянная». Речь шла о событиях 9 августа, после происшедшего (группа людей преградила дорогу автомобилю потерпевших и нанесла по нему несколько ударов) потерпевший не обращался за медицинской помощью, без назначения врача принимал «валерьянку». Суд не проверял достоверность этих сведений и не оценивал их в совокупности с событиями, происходившими в Беларуси после 9 августа, не учитывал других факторов, которые могли повлиять на самочувствие потерпевшего.

¹⁶ Постановление Пленума ВС от 24 июня 2004 г. № 8 «О практике рассмотрения судами гражданского иска в уголовном процессе»

Обосновывая требование о взыскании компенсации морального вреда с обвиняемых С. Петрухина и А. Кабанова, потерпевший – сотрудник ОМОН Виталий Автушенко заявил, что комментарий к его изображению на ютуб-канале демонизирует его как представителя органа власти, с его родителями после появления фотографии перестали разговаривать соседи. «Я стал переживать за своих близких и родных, так как я являюсь представителем правоохранительных органов и боюсь, что третьи лица могут причинить им вред». Такие основания переживаний стоило оценить критически и выяснить, не стало ли причиной общественного отторжения предполагаемый факт участия потерпевшего в противоправных действиях в отношении участников протестов, а не обидные оценки, а также рационально оценить предположения о потенциальных угрозах причинения вреда родным потерпевшего.

Таким образом, практика взыскания материального вреда в отсутствие доказательств, подтверждающих и обосновывающих установленный характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, причинную связь между действиями гражданских ответчиков и последствиями, на которые ссылаются потерпевшие, а также назначения необоснованных, завышенных компенсаций свидетельствуют о предвзятом отношении судов к обвиняемым. Повсеместное единообразное проявления такой практики свидетельствует об отсутствии независимости судей при принятии решений.

ВОЗМЕЩЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ВРЕДА

Анализ приговоров по уголовным делам показал, что суды демонстрируют различные подходы к рассмотрению исков о взыскании материального ущерба с обвиняемых по уголовным делам в отношении участников протестов.

Так, суд Фрунзенского района г. Минска в составе председательствующей Ю. Близнюк при постановлении приговора в отношении С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 293 УК признала за гражданским истцом право на удовлетворение иска и передал вопрос о его размерах на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. Прокурором г. Минска в интересах КТУП «Минсктранс» был заявлен иск на сумму 21 831 рубль 69 копеек; суд пришел к выводу о том, что при рассмотрении данного дела невозможно произвести расчет размера имущественного вреда, причиненного в конкретный период совершения преступления и в месте, как это установлено приговором.

Суд Советского района г. Минска в составе председательствующей судьи Е. Жукович, рассмотрев заявленный прокурором в интересах КУП «Минсктранс» иск о взыскании с обвиняемого 21 861,69 рубля ущерба, выразившегося в «потерях транспортной работы за 10 августа 2020 г.», признал право на удовлетворение гражданского иска и передал его на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

В то же время суд Московского района г. Бреста в составе судьи В. Филоника и народных заседателей Н. Грицука и О. Довгалюка приговором от 10 марта взыскал с семи обвиняемых и законных представителей двух несовершеннолетних более 23 800 белорусских рублей в возмещение всего материального вреда, причиненного в ходе протестов на нескольких улицах г. Бреста в разное время, тогда как каждому из обвиняемых вменялись в вину действия в конкретном месте одной из улиц.

ЧРЕЗМЕРНО ЖЕСТОКИЕ ПО ВИДУ И РАЗМЕРУ НАКАЗАНИЯ

В ходе мониторинга в поле зрения волонтеров и экспертов попадали политически мотивированные уголовные дела, связанные с применением насилия или призывами к насильственным действиям, которые закончились вынесением незаконных или заведомо чрезмерно жестоких приговоров. Фигуранты таких дел в соответствии с Руководством не признавались политзаключенными, однако вынесенные в их отношении приговоры также крайне негативно характеризуют судебную систему.

Приговором суда Сморгонского района **Иван Вербицкий** осужден за подстрекательство к совершению акта терроризма по ч. 1 ст. 289 УК к 8 годам лишения свободы и за уничтожение официального документа к 2 месяцам ареста, а окончательно – в 8 годам 1 месяцу лишения свободы.

14 октября 2020 года он разместил в телеграм-канале «Ошмяны» сообщение со словами «Завтра идем штурмовать местный КГБ», после дописал «Маленькими группами с коктейлями Молотова». Ему ответили, что в Ошмянах теперь нет КГБ, на этом месте находится прокуратура. Тогда Вербицкий ответил: «Будем жечь прокуратуру».

После Вербицкий перешел в канал «Островец для жизни», там сделал репост из Telegram-канала, который признан экстремистским, и дописал: «Все милицейские тачки и тачки их жен должны гореть». Также 21 октября он разорвал протокол об обыске. Обвиняемый в суде объяснил, что «нужно понимать границу между действительностью и виртуальной жизнью. По его словам, дискуссия в Telegram-каналах была абсолютно шуточной и не имела связи с реальной жизнью».

Эксперты ПЦ «Весна», анализируя указанное дело, пришли к выводу, что, несмотря на наличие политического мотива властей в преследовании Вербицкого, он не может быть признан политзаключенным, исходя из характера его действий. Призывы к уничтожению имущества, будучи опубликованными в общем доступе, с определенной степенью вероятности могли быть восприняты отдельными пользователями сети как реальные и привести к совершению насильственных действий, и поэтому такие призывы не являются приемлемыми в демократическом обществе. Доводы о том, что эти призывы носили шуточный характер, а поэтому не могут преследоваться в уголовном порядке не могут быть приняты, поскольку их содержание допускает буквальное толкование, а Пакт допускает ограничения свободы выражения мнений, в том числе в интересах поддержания общественного порядка.

Вместе с тем, квалифицируя действия обвиняемого по ст. 289 УК, суд допустил серьезную ошибку, поскольку в УК криминализованы призывы к совершению акта терроризма (ст. 361 УК) и угрозы насилием и уничтожением имущества в отношении сотрудников ОВД, должностных лиц и их близких (ст.ст. 364-366 УК), санкции которых гораздо мягче, чем санкция ст. 289 УК, что повлекло назначение Вербицкому чрезмерно жесткого наказания за действия, которые по своему характеру не несли в себе большой общественной опасности.

Приговором суда Железнодорожного района г. Гомеля осуждены к лишению свободы за совершение приготовления к участию в массовых беспорядках, незаконных дей-

ствиях с предметами, поражающие свойства которых основаны на действии горючих материалов **Леонид Ковалев** и **Дмитрий Корнеев**; Корнеев также – за угрозу применения насилия в отношении сотрудника ОВД, а Ковалев – за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Путем частичного сложения им назначено наказание: Ковалеву – 6 лет, Корнееву – 8 лет лишения свободы. Согласно приговору и материалов дела, обвиняемые обсудили возможность использования «коктейлей Молотова» для воспламенения какой-то стены или транспорта ОВД. Предполагалось, что в реализации этого плана примет участие несовершеннолетний Н. З. и Корнеев. Процесс обсуждения был записан Л. Ковалевым на диктофон мобильного телефона; факт и содержание записи он подтвердил в суде, в связи с чем ее содержание экспертами не подвергается сомнению. В связи с этим правозащитное сообщество не нашло возможным признавать политическими заключенными Ковалева и Корнеева: их действия и планы были неприемлемы в демократическом обществе, хоть их преследование и имело политический мотив. Однако следует отметить чрезмерную жесткость наказания по приговору. В частности, бутылки с горючим веществом обвиняемыми по назначению не применялись: Н. З. свою выбросил, а Корнеев свою бросил в сторону внезапно появившихся сотрудников ОВД не поджигая, не причинив никому вреда. Доказательств, опровергающих позицию обвиняемых, заявивших, что не желали совершать преступление с использованием зажигательной смеси, обвинение не предоставило. Таким образом, Ковалев и Корнеев осуждены к длительным срокам лишения свободы за совершение деяний, которые практически не повлекли за собой последствий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В процессе производства по уголовным делам, в том числе – в судах, отмечается повсеместное нарушение национальных норм права, конституционных и международно-признанных стандартов справедливого суда. Попрание прав человека и игнорирование их грубейших нарушений в корне подорвало доверие к органам правопорядка, а также доверие и уважение к системе правосудия.

Властям Беларуси следует:

- уважать и соблюдать закрепленные в Пакте и других универсальных и региональных документах права и свободы;**
- отказаться от репрессивного законодательства, произвольно ограничивающего права человека и свободы;**
- принять все необходимые меры для соблюдения основных прав человека в процессе производства по уголовным делам, в том числе обеспечить всем задержанным и представшим перед судом право на защиту, право не подвергаться пыткам, презумпцию невиновности, а также другие права и гарантии, предусмотренные Пактом;**
- обеспечить широкомасштабный пересмотр в порядке надзора дел, рассмотренных в нарушение национального законодательства и прав человека, с целью реабилитации всех жертв и компенсации причиненного им вреда;**
- принимать меры по восстановлению конституционной роли судов в системе государственного строительства.**
- освободить всех политзаключенных и принять меры к пересмотру незаконно вынесенных политически мотивированных приговоров.**